

ВЛАДИМИР МЕЙБАУМ

**Сто лет
под южным
солнцем**

ВЛАДИМИР МЕЙБАУМ

**Сто лет
под южным
солнцем**

ТАЛЛИН. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЭСТИ РААМАТ». 1984

Рецензенты: доктор исторических наук Х. Тийдо,
кандидат исторических наук Л. Выйме

Оформление: Л. Круусмаа

Мейбаум В.

М45 Сто лет под южным солнцем. — Таллин: «Ээсти раамат»,
1984. — 88 с., ил., 8 л. ил.

В конце прошлого века группа отважных крестьян из Харьумааского уезда отправилась в поисках лучшей доли на Кавказ, где имелись свободные земли. Изнурителен был путь от Прибалтики до Черного моря. Много трудностей пришлось испытать на «земле обетовацной», прежде чем в диких заболоченных дебрях в пойме реки Псоу выросли эстонские села. Но, впервые почувствовав себя свободными хозяевами земли, переселенцы смогли выстоять в борьбе.

В книге «Сто лет под южным солнцем» рассказывается об истории возникновения сел Сальме и Сулев, строительстве новой жизни при Советской власти, участии жителей в Великой Отечественной войне. Основываясь на документальном материале и воспоминаниях старожиллов, автор Владимир Мейбаум, потомок тех первых поселенцев, описывает и сегодняшний быт эстонских колхозников на Кавказе, сохранивших в равноправной семье народов национальную культуру и самобытность.

М 0505040000—431 TL—3—7—84
901(15)—84

63.3(2Э)

© Издательство «Ээсти раамат», 1984

ОДНО СОЛНЦЕ НА ВСЕХ

(Вместо предисловия)

Эстонские села Сальме и Сулев, лежащие на грузинской земле, скоро отпразднуют свое столетие. Их ровесница, почтенная Минна Вахтер, ветеран колхоза «Дружба», рассказывает, как оказались эстонцы здесь...

В этот вечер в доме женщины собралось несколько поколений. Здесь и дочь Эльфрида, учительница математики в местной школе, и двое сыновей — Эдуард, мастер-электрик по холодильникам, и старший Арнольд, моряк торгового флота, приехавший на побывку. Заглянул «на огонек» и сосед — председатель колхоза смуглолицый сван Георгий Цинделиани со своей белокурой женой.

Сто лет назад на месте этого гостеприимного дома стояли лесные заросли, а сами земли именовались в документах не иначе, как пустыющие. О столь удивительном благе прослышали безземельные крестьяне Эстляндии. Тогда-то и отправилась в неведомый край горстка смельчаков на поиски лучшей доли.

Изнурителен был путь от Прибалтики до берегов Черного моря. А на месте ждали и непривычный зной, и жестокая малярия. Устройству в новых краях мешали чужой язык и нравы других переселенцев из разных концов России: таких же обездоленных молдаван, украинцев, армян, русских. Жили обособленно, замкнуто, бояливо. Корчевали вековые деревья, самодельной сохой вспахивали отвоеванные у лесов клочки земли, изматывали на каменистых склонах тощих лошадей. Швейную машину, единственную в селе, из дерева сработали, даже иголку выточили из колючки акации. Все своими руками! Хлопок и лен сеяли, плели из суровых ниток невестам кружева. Еще сохранились ткацкий станок-самоделка, кусок дмотканого полотна.

Визит мой в дом Минны Вахтер — неожиданный, но на столе тут же появляются сыр сулугуни, яблоки, персики из собственного сада, кувшин с легким виноградным вином.

— Кушайте, — потчует гостей хозяйка.

— Мы помним, — говорит председатель Георгий Цинделиани, — как на защиту Советской власти в Абхазии поднялись и эстонцы. Потом, в годы войны, немало жизней отдали за землю, ставшую им родной.

В тот вечер мне рассказали, как однажды посетил колхоз Урхо Калеви Кекконен, тогдашний президент Финляндии, захотел посмотреть, как живут его «почти земляки» в столь далеком от Прибалтики крае. Зашел президент в дом механизатора Аугуста Пладо — зятя Минны Вахтер. Много собралось тогда колхозников, и сама жизнь отвечала на вопросы высокого финского гостя: не враждуют ли эстонцы с жителями других национальностей, имеют ли привычные для себя сады и огороды, сохраняют ли родной язык и могут ли участвовать в выборных органах Советской власти? Кекконену представили виноградаря Освальда Лекса — депутата Верховного Совета Грузии. Сейчас могли бы добавить эстонское имя колхозницы Лилли Маасикас, она тоже избрана в грузинский парламент.

Местный библиотекарь Мария Джалагония показывает книгу-альбом «Добро пожаловать», которую ведет много лет и в которой можно найти записи, сделанные гостями из разных стран. Соотечественники финского президента оставили здесь такой отзыв: «Для нас было очень интересно посетить колхоз «Дружба», где живут счастливые земледельцы. Тут можно услышать их древний родной язык, и село, судя по всему, живет зажиточно». На 500 семей больше 350 личных автомобилей! Но основной капитал, воистину бесценный, все-таки другой: нравы, традиции, отношения.

В колхозе дружно работают люди около двадцати национальностей.

— У нас, можно сказать, образовался маленький Советский Союз, — не без гордости говорит Вено Леонов, парторг «Дружбы», ветеринарный врач.

В колхозе вспоминают, как сливался воедино хозяйственный опыт пришедших в эти края непохожих народов. Эстонцы научились выращивать южные овощи, бамбук и шелковицу, а южане заимствовали у переселенцев практику молочного животноводства. Да и сами люди в каждодневном общении становились разностороннее, обогащались взаимно...

А свадьбы! Они сочетают в себе причуды и радости грузинских и эстонских обрядов. Житель села Константин Тийсмус вспоминает, как грузин Мурман Верулашвили женился на очаровательной эстонке Айно и сколько было при этом озорных проделок, хороводов вокруг костра. Сейчас в этой семье овощеводов трое детей — школьники Мээри и Руслан, пятилетний Володя. Свой дом с террасой, автомашина. А в отношениях такая же юная солнечность...

Я оказалась в колхозе в ту пору, когда там готовили скот к отправке на летние пастбища — в горы. Готовились к кочевью и пче-

ловоды; их путь лежал в ущелье, где в изобилии липовый цвет... Уходили на перевал стада. Пастухи седлали лошадей. Позванивали прощально колокольцы.

А высоко в горах пахло травами не выгоревших лугов.

*Э. СВЕТЛАНОВА
(«Правда», 4 августа, 1982 г.)*

* *
*

Села Сальме и Сулев находятся на самой границе между Российской Федерацией и Грузией. Об этом свидетельствуют красочные стелы, расположенные соответственно на правом и левом берегу реки Псоу. В настоящее время села эти включены в границы курорта Большая Гагра Абхазской АССР.

В предлагаемой книге, помимо воспоминаний старожилов, собственных наблюдений, архивных документов, автором частично использованы также данные исследований В. Маамяги, Л. Выйме и Т. Томберга, опубликованные в их трудах¹.

¹ В. Маамяги. Эстонские поселенцы в СССР; Л. Выйме. Путь в новую жизнь; Т. Томберг. Эстонский колхоз у Черного моря.

У ПРЕДДВЕРИЯ «РАЯ»

После долгого и трудного пути переселенцы из Эстляндии достигли устья реки Псоу, где они надеялись найти землю обетованную. Что же их гнало на эти неведомые, кишящие малярийными комарами и рептилиями топкие болота, заросшие, к тому же, колючим кустарником, а местами, где сменного суше, — криволесьем, туго переплетенным похожими на судовые канаты лианами?

Однако послушаем самого старшего из переселенцев — Юхана Кратсова:

— Жизнь в родных местах становилась невыносимой. Терпения уж никакого не осталось. Шел 1883 год. Все началось с того, что колгаский граф Стейнбок, что в куусалуском приходе Харьюмааского уезда Эстляндской губернии, распорядился разделить существующие участки, сдаваемые безземельным крестьянам в аренду, на мелкие клочки с одновременным повышением платы за них. Мало того, крестьян стали всячески притеснять: значительно повысили арендную плату за рыбную ловлю в господских прудах и озерах, запретили охоту и заготовку леса. Чем же было жить, спрашивается?

... В том 1883 году один крестьянин узрел в газете «Пости-меэс» статью, где говорилось, что на Черноморском побережье Кавказа, между Сочи и Сухумом¹, имеются свободные земли. Всячески расхваливался тамошний теплый климат, условия жизни. Правда, говорилось вскользь и о том, что местность малярийная. Но разве это отпугнет тех, кто денно и ночью вздыхает о клочке земли?

Вспоминает Иоханнес Линдвест:

— Вот тогда на собрании и снарядили меня, чтоб разведать на месте, что да как. Собрали с тех, кто изъявил желание выехать, 62 рубля — по рублю со двора. Я выехал в феврале, а к началу марта все, как говорится, было в ажуре. Местность мне понравилась: тепло, красивая природа, море, река под боком. Ну, а что малость мокровато, так разве ж у нас, на родине, мало болот да топей? .. Лично мне здесь все оказалось по душе ...

1 Теперь Сухуми.

— Начало всегда нелегкое. Зато будем сами хозяевами — так рассуждали мы тогда, — свидетельствует другой старожил, Март Кренстрем.

Однако многое в новых местах и настораживало. Были сомневающиеся.

— Погляди, что за тварь к моему телу прилипла! — огорчился Михкель Бахман, показывая ноги, облепленные пиявками. — Пошел, думаю, смою с себя пыль и грязь. Только погрузился в ручеек, а они тут как тут! Попробовал отодрать, да не тут-то было.

— Пока вдоволь крови не напьются, приходилось с ними мириться, — вспоминает Линдвест. — А там сами отлеплялись. Мне тоже доводилось не раз с ними дело иметь.

— Эх, погибнем мы здесь! — вздыхал Йоосеп Шнейдер. — Мало этих тварей, так еще зверья всякого лютого, говорят, столько, что по лесу и шагу не ходи: медведи, волки, дикие кабаны...

Нынешнему поколению представить теперь трудно, что когда-то на месте теперешних богатых сел была пустошь.

... Приезжие устроились лагерем прямо на прибрежном песке. Собрал выброшенные морскими волнами палки, сухие сучья, развели костры, подвесив чайники на ustanовленные на рогулях перекладины. Из мешков достали сухари, очерствелый хлеб и привезенную с собой сушеную рыбу. Пока женщины готовили трапезу, мужчины сидели на своих пухлых котомках, покуривая трубки. Перед их взором простиралось, играя солнечными бликами, море, сливающееся на горизонте с синевой неба. Ссзсем близко от берега игриво кувыркались дельфины с темно-коричневыми, почти черными лоснящимися спинами.

И вдруг ... из-за кустарника выкатились около десятка арб¹, напряженных поглядывающими хмуро, исподлобья длиннорогими медлительными буйволами. На их широких спинах восседали эстонцы и напевали знакомую бодрую песню «Хийр хюппас, кась каргас, вана кару лый трумми ...»² Во главе кавалькады шествовал в высокой меховой шапке возникчий-молдаванин и хлестал длиннущей плетью еле передвигающее мохнатые, с прилипшими к шерсти комками грязи ноги животное, протяжно выкрикивая: «Цоп-цобе-е, цоп-цобе-е!»

— Вот как нас встретили, — вспоминает Йоханнес Линдвест. — Решили, помнится, отправиться к молдаванам на разведку. А оказалось, пастушок их узрел, как мы высаживались из лодок, и побежал в село тотчас же сообщить об этом.

Крестьяне быстро погрузили на арбы свой скудный скарб.

Ехали по-над бережком реки. Вода шумела и пенилась на перекатах. В прозрачной бирюзе мелькали, поблескивали зеркальными

¹ Двухколесная телега.

² Мышь прыгала, кошка скакала, медведь колотил в барабан.

боками рыбы. Видно, их никто здесь не ловил — столь велики были плывущие по дну косяки. Притом они совсем не пугались, когда арба иной раз, чтоб обогнуть валун или поваленное дерево, въезжала колесами в воду.

Вскоре из-за верхушек деревьев показался склон округлой горки с раскинувшимися вдоль него белыми домиками.

— Це и есть наше село, — объяснил молдаванин. — Живем как у бога за пазухой. Не зря Веселос называется... Лет десять тому назад переселились из Бессарабии. Мы мамалыжники и виноделы.

У приземистого глинобитного здания волостного правления сделали остановку. Путников встретил солидный урядник с лихо закрученными усами; на перекинутом через плечо ремешке болталась не в меру длинная шашка.

— Нет ли среди вас беглых каторжников или же смутьянов? — грозно рявкнул он, разглядывая колючим взглядом почтительно выстроившихся странных пришельцев: штаны залатанные, на ногах опорки, а все — в фетровых шляпах. Прикрыть тело шторкой — господа да и только!

— Все мы честные трудовые люди из Колгаской волости, — ответил Юхан Кратсов.

— Это ж из какой страны?

— Эстляндии.

— А-а, чухонцы, стал-быть.

Обойдя «строй» и не найдя ничего предосудительного, урядник велел сдать всем паспорта «для более обстоятельной проверки». Затем он подозвал к себе Кратсова.

— Судя по всему, вы тут за главного, посему я хотел бы рекомендовать вас на должность старосты... Чтоб соблюсти порядок и пресечь возможные вольности, противоправные деяния. А теперь Грицко, староста здешнего села, распределит вас по хаткам. Не зимовать же вам под кустиками на том, левом, берегу Псоу вместе с волками, медведями да шакалами. А как встанете твердо на ноги, рассчитаетесь за благородные услуги.

— Премногим благодарны! — откланялся Кратсов, и все облегченно вздохнули: «Стал-быть, будет крыша над головой, покуда не отстроится, не наладим свое хозяйство».

Вот так началась у вконец отчаявшихся крестьян трех эстонских сел — Сигула, Киубла и Ара — новая жизнь.

Хозяева относились к переселенцам доброжелательно, делились всем, чем были богаты: «Сами испытали, как трудно было на первых порах». Но поживать на лаврах не в привычке трудолюбивых, жаждущих поскорее иметь свой уголок бывших батраков и безземельных крестьян-арендаторов. Чуть отдохнув с дороги, они, засучив брючины, переправлялись вброд через быструю, но мелководную реку Псоу на ее левый берег, где располагались выделенные

для них припойменные, изрядно заболоченные, заросшие колючим кустарником, а кое-где и лесом, земли.

Яська Мейбаум, Юхан Кратсов, Йоосеп Тийсмус, Михкель Вахман, Йоосеп Шнейдер и некоторые другие получили в верхней части поймы более сухие участки, где некогда располагался черкесский аул. Об этом свидетельствовали остатки фундаментов саклей, отдельные фруктовые деревья. Особенно обрадовался Антс Шукстов, на делянке которого росла гигантская развесистая яблоня («черкешенка», как ее называли, буквально облепленная вкусными кисло-сладкими яблоками в красную полоску. На диковинку пришли глядеть все поселенцы — и всем хватило полакомиться досыта.

— Обязательно посажу у себя, как расчищу делянку, — решил Яська Мейбаум, сосед Шукстова, прикинув в уме, сколько добра можно получить от такого сада.

— Думашь, это так просто: взял веточку и воткнул в землю? — усмехнулся Линдвест.

— Посоветуюсь с молдаванами. У них вон какие сады и виноградники! — не отступал Яська.

Местность была живописная. Серебристой змейкой извивалась река. На правом берегу ее высилась поросшая густым лесом гора Шиловка, которая у верхнего течения реки почти сливалась с левобережной горкой — Неебумяги, также покрытой зелеными зарослями дуба и бука. Восточнее поймы, отступя примерно с версту, тянулся невысокий горный хребет, за ним — долинка с ручьем, далее — покрытая девственным лесом гора Бароновка.

К северу, в верстах 10—12 от Неебумяги, высилась гряда гор. Казалось, они вот-вот заденут повисшие над ними тучи.

— Там, выше, поди, суше? — мечтательно произнес Март Олев, кивнув в сторону своего брата Юхана.

— И я как раз об этом подумал, — заметил тот. — Болот своих на родные вдоволь повидали.

— Так в чем же дело? Давай махнем. Тут тесно да сыро — развернуться по-настоящему негде.

— Согласен, — ответил брат. — Будем там охотиться на кабана, медведя — с голоду не помрем. Потом разведем сады, на горных склонах будем сеять рожь, кукурузу. — Там, у подножия синюющих перевалов, куда метили братья, вскоре было основано эстонское селение Сулев.

* * *

Тем, кому достались участки на припойменной низине, приходилось поначалу при расчистке делянок работать по колено в болотной жиже, кишящей всевозможными пресмыкающимися. Основными орудиями труда были топор, пила и лопата. От грязи и хо-

лодной воды ноги вспухали, покрывались коростами и язвами. Не было ни тягла, ни тележек.

Вскоре напомнила о себе и малярия («кюльм тыби», «холодная болезнь», как называли ее поселенцы). Здесь она протекала в особо злокачественной форме: среди, казалось бы, полного благополучия внезапно тело охватывает столь сильная слабость, что человек буквально ползком вынужден пробираться к постели. Едва успеют больного накрыть одеялом, как его начинает знобить, трясти так, что стучат зубы — впечатление, будто его заковали в ледяной панцирь, ничто не в состоянии согреть тело. Вскоре температура повышается до 40—41°, начинается сильнейшая головная боль. Больному становится жарко, он сбрасывает одеяло. Приступы следуют через два или три дня, в зависимости от вида возбудителя. Больной чахнет, теряет работоспособность. Лечились кто чем мог: и полынной настойкой, и перцовкой, и хинином. Но у участкового фельдшера часто последнего препарата не было, и его приходилось нередко приобретать за баснословную цену у частных лиц. Словом, для систематического и эффективного лечения нужны были большие деньги, а у бывших батраков и безземельных крестьян-арендаторов в карманах гулял ветер. Люди постепенно теряли трудоспособность, а иных ждал печальный конец на Сурнумяги¹. Первой жертвой оказалась мать нескольких детей красивая, жизнерадостная женщина Мари Кильстрем. За ней последовали другие, так и не дождавшиеся «земного рая».

Как-то Кратсов созвал сельский сход. Но собралось лишь человек двадцать, остальные были прикованы к постелям.

— Так, поодиночке, мы и через десяток лет не поспеем друг к дружке на новоселье, — начал свою речь староста села Сальме, которое нарекли этим романтическим именем в честь героини эпоса «Калевипоэг». — А если постараться сообща, — продолжал Кратсов, — пособить общими усилиями попеременно то одному, то другому, то наши силы возрастут многократ, можно сказать, удесятятся.

— Что верно, то верно, — согласились некоторые из присутствующих.

— Ну, коль первым предложение это было высказано Кратсовым, — то, я думаю, с его двора и начнем, — предложил Линдвест. — Устроим талгуд² и возведем хатенку его под крышу.

— Ага! Хитро придумано, — запротестовал Яська Мейбаум. — Выходит, у кого власть, у того и право. — У меня дети, жинка в положении . . .

— Не бузи, — дружески хлопнул его по плечу Март Кренстрем. — Всем нам не сладко живется. Дойдет и до тебя черед.

¹ Гора усопших.

² Помощь.

— Начнем снизу, по порядку, — предложил Яан Танвель.

— Катитесь вы ко всем чертям! — вспылил Яська и, не дождавись конца собрания, ушел.

Те, кто остался, еще долго обсуждали создавшееся положение. Некоторые прикидывали, что их черед может настать не ранее, как через год или два. Были и такие, кто впал в панику: не лучше ли возвратиться в родные края? Там хоть худо, да все знакомо, близко и мило сердцу.

— Но ведь живут же те, кто нас сердечно принял, — успокаивал их Кратсов. — Каких-нибудь лет десять-двенадцать тому назад прибыли на голое место, а теперь вон как — и сады, и виноградники, и огороды...

* * *

Оказывая помощь друг другу, к осени следующего года переселенцы воздвигли примитивные жилые помещения. Сначала сооружали каркас, затем переплетали проемы гибкими ивовыми прутьями, обмазывали с двух сторон глиной, замешанной для прочности на мелко нарезанной соломе. У кого больше было рабочей силы, те строили более капитально, используя ольховые планки в качестве стенового материала. Этот материал, как наиболее мягкий, поддавался легче обработке имеющимися орудиями — топором и пилой.

Жилые и хозяйственные постройки воздвигали на упомянутом выше гребне невысокой горы, простирающейся с юга на север параллельно пойме реки примерно на 2—2,5 версты. В средней части горку рассекала на две части долина, по дну которой протекал безымянный ручеек. Ту часть села, которая располагалась южнее ручья, назвали Раннакюла (прибрежное селение), северную же часть — собственно Сальме.

Старались придерживаться такой же планировки села, как это практиковалось на родине: в центре прямая улица, по обе стороны от нее — дворовые участки шириной в 24 сажени (больше не позволяла ширина хребта).

Когда казалось, что самое трудное позади и посеянные на расчищенных участках рожь и пшеница вымахали чуть ли не с Человеческий рост, вдруг выяснилось, что полноценного налива зерна не получилось.

— Все из-за того, что припоздали с посевом, — сочувственно покачал головой один из молдаван, пришедший поглядеть, как устроились новые соседи. — Да и земли кисловатые, из-под болот, известковать бы следовало.

— Да и у нас нынче урожай не шибко. Весна прохладная была... Дай бог свести концы с концами.

Поселенцы не на шутку взволновались: деньги, какие у кого были, пошли на приобретение строительных материалов, инвентаря, закупку семян и прочие срочные нужды. Чем жить? Ведь впереди хоть и теплая, но все же зима.

Денежное пособие, выданное властями поселенцам, — по 140 рублей на семью — было истрачено на питание. Некоторые, как, к примеру, Густав Лиллепярк, Яан Аху, Хиндрек Креэбберг, не захотели дольше испытывать превратности судьбы и решили возвратиться на родину, в Эстонию.

Беда была столь серьезная, что Кратсов вместе с Йоосепом Тийсмусом и Мартом Кренстремом направился в уездный центр — Сочи просить о выделении дополнительной помощи. Но там ничем помочь не смогли. Пришлось обратиться в канцелярию округа в Новороссийске¹. После длительной волокиты удалось выпросить мизерное — по 2 рубля на каждого едока — пособие для покупки продовольствия, с обязательством погашения через шесть лет.

На следующий год, после продолжительного хождения по различным правительственным инстанциям, удалось выпросить заем — по 60 рублей на семью — для приобретения скота и тягла. Заем был беспроцентный с погашением через 10 лет.

Но даже это не спасло положение: трудности следовали за трудностями. Припойменные земли часто заливали после сильных осенних дождей, когда река Псоу выходила из берегов. Приходилось строить защитные дамбы, но и это мало помогало — потоки воды порой их сносили, прихватывая часть прибрежной зоны полей, заливали их, нанося массу мелких камней, песка.

На горных же склонах смывался плодородный слой почвы, из-за чего урожай кукурузы и других культур снижались.

Коровы местных пород были малопродуктивны. Молоко давали лишь когда предварительно подпускали теленка; насытится тот, а уж что останется — порой и литра не нацедишь.

Лошадей покупали тех, что выбракованы казенными ветеринарами, и толку от них было мало: отвезет версты на две — и ляжет поперек дороги. Ни кнутом, ни палкой не поднимешь, пока сама не захочет. А то начнет брыкаться, бить задними ногами об телегу так, что ноги в крови. Всякое случалось.

Много хлопот доставляла поездка в Сочи или Гагру, чтобы распродать то, что удалось вырастить, купить на вырученные деньги необходимые в хозяйстве товары. Правда, небольшой рынок был и в Адлере, но тут больше продавали, чем покупали, не было курортников, а местное население обеспечивало себя благодаря своим садам и огородам.

Однако, несмотря на трудности, людей радовало то, что теперь у них свое хозяйство, что наконец-то они приобрели клочок земли,

¹ Статус губернского города Новороссийск получил в 1896 году.

о чем мечтало не одно поколение беднейших слоев населения Эстонии.

— Ну, а дальнейшее зависит от нас самих, от нашего трудолюбия, — ободрял сельчан Кратсов. — Так что будем жить надеждой на лучшее будущее. И оно, поверьте, придет.

Кратсов был человеком степенным, рассудительным, и люди относились к нему с уважением, прислушивались к его советам, хотя и не всегда и не во всем были согласны с ним. А иные, как, скажем, Яська Мейбаум, даже завидовали ему, его популярности среди поселенцев, умению приспособиться в любых условиях. Вот и сейчас, когда появилась потребность в помоле зерна — хоть немного, но все же собрали со своих деелянок, — он уже обследовал местный ручей: мол, нельзя ли здесь соорудить водяную мельницу?

Зима предстояла трудная. К счастью, неплохо уродился картофель. Помог также благодатный южный климат. Подростки рыскали окрест, собирая грецкие орехи, каштаны, дикие яблоки и груши. Многие из поселян занялись рыбной ловлей, благо река рядом. Были и такие, кто занялся охотой. То один, то другой волок с гор мешок с мясом косули, дикого кабана или медведя. Правда, медвежье мясо было жесткое, волокнистое и сухое. Но коль грозит смерть от голода, тут уж не до гурманства.

Приближались рождественские праздники.

— Нам трудно, но пусть хоть немного порадуются наши дети, — говорил Кратсов. — Не следует отступать от стародавних традиций: я предлагаю устроить елку. Можно в моем доме — комната достаточно просторная для этого.

... Собрали деньги для покупки подарков, за елкой снарядили молодых парней в горы.

Дети плясали и кружились возле украшенной самодельными игрушками, извлеченными из бабушкиных сундуков блестками и восковыми свечами елки, пели рождественские песни. Глаза их искрились от восторга.

И, к превеликой их радости, к утру выпал первый снег. Он был какой-то особенный — вовсе не холодный, лишь слегка прохладный, пушистый, словно березовый пепел. Дети хватали снег пригоршнями, совали друг дружке за шиворот, играли в снежки, лепили баб.

А вокруг все сияло в ярких лучах солнца. Горы, сказочно блестящая в своем серебристом одеянии, уже не казались столь мрачными и высокими, как прежде.

НАПЕВЫ РОДИНЫ

Прошло шесть лет. Жизнь поселенцев стала понемногу налаживаться. С помощью полученной от властей ссуды приобрели сельскохозяйственный инвентарь, скот и тягло. Для охраны полей от набегов диких животных — медведя и кабана — были выделены из местных арсеналов отслужившие свой век берданы. Наиболее предприимчивые хозяева — Март и Йоосеп Кренстремы, Тыну Маасикас, Данель Ромм, Юри Пани и некоторые другие развели сады и виноградники, которые начали давать солидный доход. Богатый сахаром чернослив реализовывали в сушеном виде в Сочи, Новороссийске и других прибрежных городах. Яблоки, груши, черешню, персики закупали на месте спекулянты-перекупщики.

У Кратсова не было склонности к ведению сельского хозяйства, и он, продав свой участок в 14 десятин, получив к тому же дополнительную ссуду, приступил к строительству мельницы на протекающем посреди деревни ручейке. Рожь и пшеница росли на новом месте ничуть не хуже, чем в Эстонии. Молоть нужно было также и кукурузу. На первых порах, вспомнив прадедовский способ, пользовались ручными жерновами, изготавливаемыми местными умельцами. Но труд этот был каторжный. Чтоб намолоть пуд муки, нужно было семь потов спустить.

Денег на приобретение фабричной обуви и одежды не хватало, исключая, конечно, тех, кто зажил более или менее зажиточно за счет доходов, получаемых от садоводства и изготовления вина. Поэтому поселенцы вынуждены были сеять лен, выделывали сами шкуры диких и домашних животных, из которых шили примитивную обувь — постолы, наподобие кожаных лаптей, чуней. Местные умельцы изготавливали простенькие ткацкие станки, и женщины ткали на них льняное и полушерстяное полотно, из которого шили рубашки, постельное и нательное белье, а также верхнюю одежду. Все эти работы выполнялись вручную — приобретение швейных машин было не по средствам. И вот тогда сельский умелец Антон Каськ, человек поразительно талантливый, сконструировал и построил швейную машину сам... целиком из деревянных деталей! Даже иглы смастерил из острых шипов акации, которые по твердости не уступают кости. Чудо-машинкой пользовались несколько лет жена изобретателя и соседки.

В те годы развернулось строительство Новороссийско-Сухумского шоссе. В связи с этим заметно возросли цены на картофель, овощи и фрукты, что способствовало стабилизации экономики поселенцев, росту их доходов. Появилась тяга, особенно среди молодежи, к увеселительным мероприятиям. Но не было на селе ни клуба, ни музыкальных инструментов, ни театральных и танцевальных кружков, ни библиотеки... Энергии же у молодежи хоть от-

бавляй — вот и шатались ватаги парней по праздникам и воскресеньям от дома к дому, бренча на самодельном каннеле¹ и напевая запомнившиеся с давних времен эстонские песни, прося угощения.

Семейные мужчины собирались небольшими группами у кого-нибудь и сражались в дурачка, делились услышанными или вычитанными из газет новостями.

Но постепенно появилась потребность к более широкому общению. А то случалось, что друзья и знакомые, жившие в разных концах растянувшейся версты на четыре деревни, месяцами не встречались друг с другом.

— Так продолжать дальше нельзя, — как-то заметил Юхан Тийсмус, коренастый мужчина с пышными усами и чуть сощуренными живыми глазами. — Одичаем мы, стыдно будет перед сородичами. Да и молодым скучно. Иные уж от тоски в пьяный разгул бросаются, другие же готовы вслед за Густавом Лиллепяргом и Яном Аху дать стрекача.

— Верно, — поддержал его Густав Мамберг, назначенный учителем к поселенцам. — Нельзя жить лишь интересами живота своего. Я предлагаю создать на первых порах драмкружок, смешанный хор.

— Да и о библиотеке надо подумать, — дополнил его Тийсмус.

— Правильно. Выпишем из Эстонии книги, газеты... И еще надо бы приобрести музыкальные инструменты. Со временем создадим духовой оркестр.

— А ведь здорово! Соберемся в праздничные дни где-нибудь у гумна, где утрамбованная площадка для молотьбы, — и пошли танцевать, играть в хоровод, — улыбнулся Март Кренстрем. — Молодым весело и нам, старикам, приятно глядеть со стороны.

— Да и о помещении для школы подумать пора, — продолжал Мамберг, — худощавый светлоглазый мужчина с интеллигентным лицом. — А то я уж пятый год учу детей в жилом доме. Конечно, спасибо нашему старосте, что выделил для этого комнату.

Вскоре собрали сход сельчан, чтоб обсудить все назревшие вопросы. Кое-кто из молодых, в частности Юку Томассон и Алекс Шнейдер, настаивали на том, чтобы в первую очередь приступить к строительству народного дома (клуба).

— Все это верно, — заметил после некоторого раздумья Кратсов. — Только вот вопрос: откуда мы наскребем столько денег? Я уж беседовал со многими — ни у кого нет за душой лишнего.

— Что верно, то верно, — сказал Март Кренстрем. — Скоро, к тому же, истекает льготное время, придется платить налоги, притом немалые. Да и в хозяйствах дыр не счесть.

— Построим школу, — настаивал учитель Мамберг, — учеба подрастающего поколения — главное, а после занятий можно ис-

¹ Эстонские гусли.

пользовать освободившиеся помещения для увеселительных мероприятий, постановки пьес, выступления хора — если сделать одну из классных комнат просторнее . . .

Возражать никто из собравшихся не стал, и уже в один из ближайших воскресных дней пришли на строительную площадку в верхней части села почти все трудоспособные мужчины. Часть из них направилась в лес готовить бревна, другие расчищали площадку, возили из каменоломни бутовый камень для фундамента, рыли траншеи.

На следующее воскресенье всю застучали топоры, завизжали пилы. На наспах сколоченной пилораме стали распиливать дубовые доски.

Работали с таким энтузиазмом, что через месяц здание школы было уже подведено под крышу. Правда, внутренняя отделка потребовала втрое больше времени. Но как бы там ни было, к осени все было готово: большое классное помещение, подсобка и комната для учителей.

Больше всех радовался учитель Мамберг.

Он согласился взять на себя также руководство хором и драмколлективом. Спустя некоторое время была построена школа и в соседнем селе Сулев¹.

И вот скоро из широко раскрытых окон школы стали доноситься милые сердцу каждого поселянина родные мелодии. Желающих принять участие в работе хора было так много, что Мамбергу пришлось устроить самый строгий конкурс. И в 1890 году, в Иванов день (Янипьев) состоялся первый концерт хора. В этот же год был собран первый обильный урожай ячменя . . .

* * *

*

Минули годы. Село разрасталось. На благодатные южные земли прибывали все новые и новые поселенцы. Не только из Эстонии, но и эстонцы из Крыма, Ставропольского края, Псковщины, где случались в последние годы недороды: в одних случаях из-за засухи, в других, наоборот, по причине сильного пересушивания почвы, из-за частых дождей. Манил их также слух, что где-то на юге сородичи нашли чуть ли не райские земли. Как же упустишь такой случай!

Говоря о причинах переселения из Эстонии почти 15 процентов сельского населения, академик Академии наук Эстонской ССР В. Маамяги пишет²:

«Не имея возможности одолеть помещика иноземного происхождения, барона, владевшего по праву сильного землей на его

¹ Там преподавали Яан Хион с супругой. Они же руководили хором, драмкружком и разными культурными мероприятиями.

² *Виктор Маамяги. Эстонские поселенцы в СССР. Таллин, 1976.*

родине, эстонец оставлял отчий край, переселялся в неведомые ему края и условия жизни и селился там среди чужого ему по языку, нравам и обычаям населения. Он готов был на все: обременял себя на многие годы долгами и обрекал на длительный изнурительный труд. Но он питал надежду получить землю».

Возросли также культурные запросы переселенцев. Тесное школьное помещенне уже не могло вместить всех желающих посмотреть спектакль или же потанцевать, участвовать в массовых праздничных играх. Все чаще вставал вопрос о необходимости строительства народного дома. В конце концов Кратсов поддался настойчивым требованиям молодежи — был организован сбор средств среди поселян. Но нужную сумму долго не удавалось собрать. К тому же главного организатора этого дела Кратсова назначили волостным старостой. А другого столь авторитетного лица в селе не нашлось. Словом, строительство нового культурного очага на время застопорилось.

Внимание всех поселян в этот период было обращено на бежавших из Турции переселенцев-армян, где была устроена дикая резня. Кратсов как волостной староста предложил своим землякам оказать сильную помощь беженцам, не имевшим ничего, кроме жалкого тряпья, едва прикрывавшего тело.

Вспомнив свои беды и то, как и им помогли жители молдавского села Весселос, поселенцы в свою очередь старались облегчить участь несчастных: устраивали их на временное жилье, обеспечивали на первых порах продуктами питания.

Власти наметили для заселения беженцев лесистый горный хребет на правом берегу реки Псоу — Шиловский. Но для расчистки участков от леса и кустарника, раскорчевки пней необходимы были время и средства.

— Надо людей как-то выручать, — обратился Кратсов к сельчанам на очередном сходе. — У многих из вас имеются неиспользованные участки на горных склонах . . .

После долгих споров решено было выделить десятки десятин земли на горных склонах беженцам для временного пользования. Выделили также семена кукурузы и других культур.

Учитель Густав Мамберг проводил большую культурно-просветительную работу в селе. При нем были организованы смешанный хор, драматический коллектив. По его же инициативе, при активном участии Юхана Таивеля, Густава Томассона в 1891 году был организован духовой оркестр. Теперь не проходило вечера, чтобы то с одного, то с другого двора в разных концах села не доносились разучиваемые сольные партии флейты, кларнета, медных инструментов разного тембра и калибра. Ну а в праздничные, часто и в воскресные дни, оркестранты старались вовсю, так что их слаженная игра была слышна в самых дальних уголках села.

Платили учителю за его самоотверженный труд 150 рублей в

год. Но у него было и свое небольшое хозяйство, где содержалась птица, домашний скот. Имелся огород, где выращивались картофель, капуста, лук, салат, морковь и прочие огородные культуры.

Поработав в Сальме 9 лет и заслужив большое уважение сельчан, Мамберг в 1893 году по семейным обстоятельствам переехал в Сухум, теперь Сухуми. Провожали его, как говорится, всем миром, — с большой любовью и великим сожалением. Многие его бывшие ученики, а их было немало, даже смахивали украдкой слезы.

С 1893 по 1897 год в селе учительствовал Юри Лоссман, также уважаемый всеми сельчанами и учениками человек. Затем, купив у Якоба Линдвеста усадьбу, он решил заняться сельским хозяйством. Отчасти это было связано с заметным ухудшением состояния его здоровья (болело горло и трудно было говорить). Замены быстро не нашлось, и год учительствовала присланная из Сочи русская учительница Алина Милеева. Это была удивительно милая и энергичная женщина. И хотя она проработала в Сальме совсем немного, о ней вспоминают с нежностью и благодарностью до сих пор. Конечно, тех, кто лично ее знал, нет уже в живых, но молва о ней передается из уст в уста. Всего за несколько месяцев выучила она эстонский наречие, что смогла свободно преподавать детям на их родном языке.

К сожалению, дальнейшая судьба этой отважной женщины неизвестна.

Ее заменил в 1898 году хорошо подготовленный и энергичный молодой учитель Тынис Камма. Кроме глубоких специальных знаний, он обладал также выдающимися музыкальными способностями. Под его руководством значительно расширился репертуар хора и духового оркестра, устраивались праздники песни, выезды со спектаклями в соседние села — Сулев, Мерекюла¹, Веселое. Благодаря его энергии приступили к расширению школы — соорудили боковую пристройку. Между верхней и нижней частями села, в довольно широкой долине, где протекал безымянный ручеек, заложил парк из заморских вечнозеленых экзотов, где предполагалось соорудить народный дом. Уже начали завозить бревна и другой строительный материал, заложили фундамент здания. Но работу эту, ввиду непредвиденных обстоятельств, пришлось временно приостановить. Среди строителей железной дороги началось брожение, объявлялись забастовки. В декабре 1905 года в Сальме из Аибги, горного селения вблизи Красной Поляны, прибыл врач Лоренц-Меттнер. Его сопровождал житель села Ермоловки Якоб Керстен. Они призывали сельчан вооружиться и выступить вместе с рабочими и крестьянами сел и поселков Сочинского округа против царизма, помещиков и капиталистов. Но большинство сальменцев и

¹ Небольшой рыбацкий поселок в Имеретинской Бухте, южнее села Веселое.

сулевцев отнеслось к этим призывам настороженно. Дескать, нас не трагуют и нам незачем лезть — только жизнь налаживается.

Вскоре донеслись вести, что в Сочи началось вооруженное восстание. И тут некоторые из молодых ребят, несмотря на отговоры старших, тскинув на плечи старые берданы, выданные властями для отпугивания зверя на огородах и плантациях, помчались в окружной центр, чтобы принять участие в боях. Среди них, как свидетельствовала одна из старейших жительниц Сальме Хильда Локк, — Йоосеп Кильстрем, Якоб Танвель, Густав Сейдеман, Каарел Ромм и другие. Но восстание было подавлено войсками царского правительства, высадившимися с эсминца 5 января 1906 года. Многие месяцы после этого над восставшими шла судебная расправа. Вскоре рядовых повстанцев отпустили по домам, а врач Лоренц-Меттнер был заочно приговорен к смертной казни за «организацию восстания», но ему удалось скрыться за границей. Об этом говорится в очерке А. М. Горького «В. И. Ленин», где отмечается, что писатель вместе с Лоренц-Меттнером посетил Владимира Ильича Ленина на острове Капри.

* *
*

... На Черноморское побережье Кавказа прибывали все новые группы поселенцев. Однако свободных земель уже не было. Часть приезжих стала батрачить у зажиточных крестьян. Таких, по данным Л. Выйме¹, было в 1919 году в Сальме 26,1% по отношению к числу хозяйств, в Сулеве — 26,2%. Некоторые из них были квалифицированными рабочими: плотниками, каменщиками, краснодеревщиками.

Иные из вновь прибывших арендовали у старожилов землю и даже строили на ней дома. Однако права на жительство они не имели. Таких стали называть «пассимеэс» (паспортники). Суть заключалась в том, что в соответствии с законом, изданным в 1894 году об упорядочении паспортного дела, эти лица получали особые паспорта, отличные от документов полноправных членов сельской общины, так называемых чистых. За эти липовые документы паспортники были обязаны выплачивать казне ежегодно по 1 рублю. Кроме того, им нужно было выплачивать соответствующую плату ежегодно к 31 декабря в те волости Эстляндии или Лифляндии, где они прописаны. Участь их была незавидная.

Зато радовались местные куркули: появилась свободная и относительно дешевая рабочая сила в лице сородичей, с которыми легче можно были найти «общий язык».

Часть новых поселенцев, имевших небольшие накопления, поселилась на примыкающих к побережью моря заболоченных участ-

¹ Лембит Выйме. Путь в новую жизнь. Таллин, 1980.

ках, поросших камышом, кустарником и лесом, изобилующих малярийным комаром. Эту часть села стали называть «Конналинн» — Лягушачий город, из-за обилия квакш всех пород. В летние теплые вечера раздавались такие концерты, что заслушаешься. Причем многоголосое «пение» было столь слаженным, что, пожалуй, к нему не мог бы придаться и музыкант.

Однако красота красотой, а люди гибли целыми семьями от жестокой малярии, укусов змей, от непосильного труда в гнилых топях.

Но была в этих сырых «джунглях» и своя романтика, в особенности для нас, ребят. Рядом с устьем реки Псоу протекал небольшой ручеек. Поскольку оно было завалено нагнавшим морскими волнами песком, образовался довольно глубокий и мрачный заболоченный омут, где водились черепахи, водяные змеи, пиявки и... пудовые сомы. Поселившийся здесь, в «Конналинне», зять Марта Кренстрема Аугуст Секенд стрелял в них с верхушки деревьев из охотничьего ружья. А мы, пацаны, любили здесь кататься на самодельных плотах и даже отваживались купаться, удирая от юрких и изящных черных змей с белыми «ушками». Бывало, что и не успевали. Так, Польди Вестхольм ходил недели три с сильно опухшей ногой — вместо ботинка ему приходилось носить галошу самого большого размера.

Большинство здешних поселенцев занималось рыбной ловлей или же кормилось небольшим приусадебным участком, разводя пчел, держа молочный скот, домашнюю птицу.

В середине девяностых годов этими «благодатными» местами заинтересовались «сильные мира сего». Сам царь и его приближенные носились с идеей создания по всему Кавказкому побережью образцового курорта по типу французской Ривьеры или Ниццы. В этих целях прокладывались дороги: Новороссийск — Сухум, Адлер — Красная Поляна. На очереди была прокладка железной дороги вдоль Черноморского побережья Кавказа. Члены царской семьи захватывали лучшие земли в Дагомысе. Лоо, Вардане. Близкий родственник российского монарха принц Ольденбургский фактически стал полноправным правителем Гагры, где воздвиг себе за казенные деньги изысканный дворец, существующий и поныне и оберегаемый как архитектурный памятник (сейчас гостиница «Гагрипш»).

Старались не отставать и царские министры. Особо усердствовал министр земледелия Ермолов, завладевший участками в Сочи, близ Красной Поляны (Ермоловка). Затем взоры его обратились к прибрежной части Сальме — «Конналинну», от реки Псоу до Бароновки (Лапсты). По протяженности это составляло верст семь—восемь. Здесь были вырублены леса, прорыты осушительные каналы и затем проложены внутриквартальные дороги. Местность идеально ровная, и здесь решено было основать образцовый курорт-

ный город. Земельные участки стали продавать по баснословным ценам богачам для возведения дач, санаториев, увеселительных учреждений. «Конналинни» переименовали в Ермоловск (ныне Леселидзе).

Эти места проезжал в 1912 году классик эстонской литературы А. Х. Таммсааре. Говоря об опустении и унылой картине при следовании из Адлера в сторону Гагры — с десятков верст ни одной дачи, приличного дома, одни лишь кукурузные и табачные плантации, — он вдруг обратил внимание на «Новый город», «где домов, правда, пока еще мало — один здесь, другой там, но где на протяжении многих верст в лесу прорублены просеки, прорыты осушительные каналы... Все ново, все в стадии зарождения... Через десять—пятнадцать лет, вероятно, с трудом можно будет узнать прежние места — так быстро, видно, начинается здесь битья пульс жизни»¹. Глядя на все это из быстро мчащегося дилижанса, писатель, конечно, не мог знать, что то, что он назвал «Новым городом», и есть прежнее гиблое место, нареченное его сородичами в свое время «Конналинном», теперь же переименованное вельможным министром в свою честь.

Но «Новый город» так и не был достроен — помешала буря Октября, разметавшая всех любителей легкой наживы, дельцов-толстосумов кого куда. Некоторые из них все же успели возвести капитальные здания дворцового типа. После революции в них были открыты больница, дома отдыха, пансионаты для трудящихся. В нескольких зданиях разместилась школа крестьянской молодежи — семилетка с интернатом и квартирами для учителей. В школе этой учились дети из окрестных русских, молдавских, армянских, грузинских и эстонских сел, в их числе и автор этих строк.

Рядом со школой пустовали недостроенные здания с колоннами, красными черепичными крышами, принадлежавшие, видимо, раньше очень богатому человеку. В 1928 году они были предоставлены иммигрантам из Чехословакии и США, в основном немецкой национальности. Приехали они со своими тракторами и сельхозмашинами и энергично принялись за достройку предоставленных им зданий.

Вскоре в нашем пятом классе появился и их дети. Поскольку ребята русского языка почти не знали, мы помогали им после занятий. Особенно запомнились мне три скромные тихие девочки, сидевшие в классе рядом со мной. Лица пухленькие, розовые, словно на рождественских открытках.

Кроме меня в ШКМ — так сокращенно называлась школа крестьянской молодежи — учились подростки из Сальме и Сулева: Юханнес и Юку Танвели, Яан Тийсмус, Аугуст Вурман, Аделе Ве-

¹ С побережья Черного моря. — Пяэвалехт, Таллин, 8.11. 1912.

бер, Альберт Тюркель, Фридрих Кыва и некоторые другие. Обучение до 1933 года велось на русском языке.

В 1933 году, по инициативе молодых преподавателей ШКМ, только что окончивших в Ленинграде Эстонско-финский педагогический техникум, — Альберта Тюркеля, Роберта Миксона, Юханнеса Танвеля — в школе крестьянской молодежи был организован эстонский сектор, просуществовавший до 1937 года. Учились в нем Леени Йонас, Майму Тикк, Йоосеп Еплик, Лаура Пууманн, Леоноре Кера, Лилли Ватман, Аино Тюркель, Хильдегард и Мэри Хион, Феликс Тиннарт, Треолине Людвик, Феликс Ангельшток, Вальтер Вурман, Мэта Марак, Клара Вальп, Арнольд Пюкс, Вальтер и Мейнхард Вестхольмы, Аугуст Пладо, Вярди Лостман, Эльфрида Вахтер, Михкель Конно и гордость сальменцев, будущий доктор технических наук, профессор Хуго Тиймус.

В 1947 году «Конналинн» — Ермоловск был переименован в поселок Леселидзе в честь командующего 18-й армией, разгромившей гитлеровцев на Малой Земле, возле Новороссийска, и сейчас здесь живет немало потомков прежних эстонцев.

ОГОНЬ И ПЕПЕЛ

В 1906 году наконец удалось завершить строительство народного дома, что способствовало оживлению культурной жизни в селе. Здесь выступали не только самодеятельные артисты, но и профессионалы из прибрежных курортных городов, бродячие циркачи. Устраивались борцовские турниры, соревнования по поднятию тяжести, перетягиванию каната. Свое искусство демонстрировали гипнотизеры, выдававшие себя за индийских факиров. По праздничным и воскресным дням устраивались танцы под духовой оркестр. Словом, скучать молодежи села уже не приходилось.

К великому огорчению сельчан, полюбившийся всем учитель Камма вынужден был в 1908 году покинуть Сальме в связи с назначением его директором Новороссийской прогимназии. Его заменил Ханс Янс — тоже очень уважаемый, опытный педагог.

В 1909 году был торжественно отпразднован 25-летний юбилей сел Сальме и Сулев. В течение трех дней звенела песня, гремел духовой оркестр. Был накрыт праздничный стол, в буфете торговали пивом и лимонадом. Проводились стрелковые соревнования, встречи атлетов, всевозможные игры. Словом, «было здорово весело», как выразился один из старожиллов Мадис Вестхольм.

В празднествах этих принимали участие также художественные коллективы из Красной Поляны и Веселого.

Но так уж устроена жизнь, что радости нередко омрачаются печальными событиями. Через некоторое время умер Яська Мейбаум. Он хоть и был «мужик с норовом», но его любили, уважали

за прямоту, свособразие. Повзрослевший сын его, Юлиус, взял бразды правления в семье в свои руки. В душе он осуждал отца за безалаберное ведение хозяйства. Едва вернувшись с похорон, он застучал топором, намереваясь в кратчайший срок построить новый дом, так как старый, сооруженный наспех из глины и переплетенных веток, готов был вот-вот рухнуть.

Мать его Мари гордилась сыном — его решительностью, твердым характером, рассудительностью. Но едва удалось возвести стены дома, как пришла новая беда: Юлиуса и около десятка других молодых мужчин призвали срочно в царскую армию. Само по себе это событие не столь уж трагическое, но вот пришла страшная весть: 1 августа 1914 года вспыхнула империалистическая война, или, как говорили сельчане, «ильма сыда» (мировая война).

«Теперь лишушь последнего кормильца — убьют его там!» — голосила Мари. Но сын вернулся спустя три года целым и невредимым. При нем были снайперская винтовка, шашка и комплект боевых патронов.

— Кто знает... может, пригодится, — уклончиво ответил он на удивление матери. — Нынче время неспокойное.

Только отобедав, Юлиус разыскал топор, фуганок, пилу и принялся за прерванное на время дело. Дом нужно было как можно скорее подвести под крышу, так как под влиянием влаги и жарких солнечных дней стеновые венцы начали уже трескаться и коробиться. С раннего утра и до позднего вечера не прекращался перестук топора. Иногда приходили помогать Юлиусу соседи — Шукстов Антон и Шнейдер Александер — тоже бывшие фронтовики. Но работа продвигалась медленно. Не хватало материалов, денег. Много сил отнимали всевозможные воинские повинности — ведь жители сел левобережья реки Псоу — Ермоловска, Сальме, Сулева — уже более года находились в зоне боевых действий, переживая все тяготы войны. Власть часто менялась. Приходили то красные, то грузинские меньшевики, то денкинцы. В промежутках между боями по селам шныряли меньшевистские, кадетские агитаторы, члены всевозможных «освободительных» комитетов. И каждый из них доказывал, что именно платформа его партии наиболее благоприятным образом соответствует интересам и чаяниям крестьян, обеспечит «истинную свободу и процветание».

Не дремали и эстонские националисты. Под видом культурных мероприятий некий С. Соммер, сотрудничая с мелкобуржуазными элементами из среды своих сородичей, проживающих в городах Северного Кавказа, развил бурную деятельность по созыву «съезда» зажиточных крестьян и националистических элементов. Хотя сборища эти и состоялись — сперва в кубанском эстонском селении Ливония, затем на территории нынешней Абхазии — в селе Эстония около Сухума, где принимались буржуазно-националистические ре-

золюции, — жители сел Сальме и Сулев участия в них не принимали.

Прилежный и честолюбивый, Юлиус мечтал о времени, когда сумеет встать вровень с «примерными хозяевами», такими, как Пани, Танвели, Кратсов, Тийсмус... Несмотря на все трудности, все же к середине марта 1919 года удалось подвести дом под крышу. Сколько было радости! Настоячивый, старательный хозяин, кажется, впервые за последние годы от души улыбался. С гордостью смотрела повеселевшими глазами на плоды труда сына мать Юлиуса Мари.

* *
* *

Вдоль побережья и за рекой Псоу располагались денкинские части, вытеснившие из этих районов войска меньшевистской Грузии, оккупировавшие летом 1918 года весь Сочинский округ. Советская власть, установленная на юге Черноморья, — из-за подрывной деятельности эсеров и меньшевиков — лишь в конце января — в начале февраля 1918 года, просуществовала недолго. В июне того же года красногвардейские части вынуждены были отступить на север под натиском превосходящих сил меньшевистской Грузии.

Как же встретили поселенцы-эстонцы Советскую власть? Конечно, среди зажиточных слоев крестьянства находились и такие, которые отнеслись к новой рабоче-крестьянской власти настороженно или даже враждебно. Но большинство бедняцких хозяйств, батраки и значительная часть середняков относились к новым властям лояльно.

1 февраля 1918 года были проведены выборы в Сальменский волостной совет. Председателем избрали М. Блока, членами волисполкома В. Людвига, А. Кирадзяна, В. Салияна, К. Туркманяна. Начальником милиции был назначен Ю. Костин.

С воодушевлением, полные революционного энтузиазма, готовились сельчане отметить праздник весны и труда — 1 Мая. В Сулеве и Сальме были проведены праздники песни, выступали духовые оркестры, смешанные хоры и драмколлективы.

Для руководства хозяйством и общественной жизнью при Сальменском волисполкоме были образованы земельная, финансовая, юридическая и другие комиссии.

14 мая 1918 года в Ермоловске («Конналиин») было создано культурно-просветительское общество «Эду» («Прогресс»), целью которого явилось оживление культурной жизни среди поселенцев-эстонцев в Сальме и Сулеве: постановка пьес, выступление танцевальных и хоровых коллективов, организация библиотек на общественных началах и т. д.

Но не дремали и враждебные элементы, всевозможные буржуазные националисты в лице упомянутого выше С. Соммера и дру-

гих, которые под видом «культурных программ», чтения «просветительных лекций» насаждали в умах поселенцев тлетворные идеи «любви к (буржуазной) родине», «об особом пути» развития эстонского народа, который якобы по своему культурному и интеллектуальному уровню стоит выше других, и т. д.

В результате такой обработки, когда большевистское руководство Сочинского округа в конце мая 1918 года обратилось с призывом к населению вступать добровольно в красногвардейские отряды для защиты завоеваний Октября, на общем собрании жителей села Сальме была принята резолюция о нейтралитете. Дескать, мы не намерены вмешиваться в политические междоусобицы . . . другое дело, если вмешается «внешний враг» — в таком случае будет оказана помощь (красногвардейцам — В. М.).

С подобной резолюцией, конечно, были согласны не все сельчане, особенно бывшие фронтовики, значительная часть бедняков и батраки. Местное кулачество жаловалось, что возвратившиеся с фронта «одурманены» большевистскими идеями.

Однако когда в июне 1918 года грузино-меньшевистские войска оккупировали населенные пункты Сочинского округа и начали творить произвол (реквизиция продовольствия, скота, лошадей, грабежи), отношение салыменцев и сулевцев к побасенкам «просветителей», что, дескать, теперь все они «подданные свободной Эстляндии» и никто не посмеет их трогать, кардинально изменилось. Все больше убеждались они, что истинными защитниками интересов трудового народа являются большевики, Красная Армия: «Были, никого не трогали, никого не обижали, даже землей наделять бедняков и батраков собирались . . .»

Это мнение еще более утвердилось, когда в январе 1919 года денкинцы, оттеснив за пределы Сочинского округа меньшевиков, сами заняли их место. У крестьян стали отбирать все, что еще у них было: лошадей, скот, домашнюю птицу, остатки продовольствия. За малейшее неповиновение людей арестовывали, расстреливали или же подвергали жестоким пыткам.

К 10 февраля 1919 года денкинские части достигли реки Бзыбь в Абхазии. Грузино-меньшевистские войска были деморализованы и вряд ли способны сдерживать дальнейший натиск противника. Но тут вмешалась «благодетельница» Англия, ибо не в интересах ее промышленников, финансовых и нефтяных магнатов было установление контроля Деникина над месторождениями нефти в Баку, марганцевой руды в Чиатурах и другими источниками дешевого минерального сырья. К тому же конкуренция между союзниками Антанты привела бы к ослаблению антибольшевистского фронта.

Теперь были напуганы даже наиболее зажиточные крестьяне.

«Все мы стояли далеко от политики, единственным нашим пожеланием было, чтоб нас не тревожили и чтоб нам была предоставлена возможность спокойно трудиться на своем поле, тем бо-

лее, что мы после революции не захватывали ничьих земель — ни казенных, ни помещичьих, а продолжали трудиться на личных наделах. Мы думали, что этим спасемся от всех ужасов гражданской войны. Но тяжко ошиблись»¹, жаловалась группа «примерных хозяев» из Сулева.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения, явилась объявленная в середине марта 1919 года мобилизация 15 возрастов в деникинскую армию.

— Наше крестьянское дело — пахать, сеять, собирать урожай, а не лезть в политику, — рассуждали поселенцы.

— Нужно маленько подождать... А если уж впрямь с силой на нас пойдет... тогда будем защищаться. Кругом горы, леса, пещеры — не скоро до нашего брата доберутся.

* *
* *

Однако Деникин не отступил. В народном доме открыли мобилизационный пункт, и каратели стали рыскать по дворам, выскивая мужчин, годных для призыва по деникинскому указу. Но дома оставались одни лишь старики, женщины и дети. Мужчины же, вооружившись старыми берданами, охотничьими ружьями, укрылись в горах. С ними ушли также многие девушки и молодые женщины, чтоб не попасть в руки пьяным насильникам. После ряда совещаний с сулевцами и представителями других окрестных сел решено было сформировать две партизанские дружины, чтобы, в случае прибытия в села Сальме, Сулев, Бароновку, Мехадырь и другие деникинцев, оказать вооруженное сопротивление; самим же инцидентов не создавать.

Командиром первой дружины, куда входили в основном сальменцы, был избран Антон Шукстов, командиром второй дружины — Николай Рощенко из Ахштыря. Командиром же роты, как утверждает один из участников партизанской борьбы Виллем Людвик, был избран участник революционных событий 1905 года, бывший фронтвик Иоханнес Лехт.

Главный штаб повстанцев и основная часть партизанских подразделений были размещены на господствующей высоте — Неэбумяги, примерно в версте выше северной окраины Сальме.

Поскольку большинство партизан службы в армии не проходило, были организованы регулярные стрелковые занятия под руководством Юлиуса Мейбаума, Александра Шнейдера, Антона Шукстова и других. Обучали приемам рукопашного боя, обращению с винтовкой, ручной гранатой.

¹ Козлов А. И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов, Ростов-на-Дону, 1972.

Большое беспокойство вызывало плохое вооружение повстанцев. Винтовки были только у бывших фронтовиков; у остальных же — охотничьи ружья и списанные карабины, выданные в свое время для охраны огородов и полей от диких животных. Впрочем, часть их была реквизирована после революционных событий 1905 года.

Партизанское движение развернулось широко во всем Сочинском округе. На мобилизационные пункты явилось лишь несколько калек. Это привело Деникина в ярость. По его приказу были сформированы два офицерских карательных отряда с приданными пулеметными и артиллерийскими подразделениями.

Первая стычка с подкравшейся по долине реки Бароновка (Лапста) конной группой карателей произошла 7 апреля 1919 года. Юлиус первым заметил в пешем строю по лесистому восточному склону горы золотопогонников, и он тотчас же взял на мушку возглавлявшего группу вражеских лазутчиков ротмистра.

Началась интенсивная перестрелка с обеих сторон. Но если партизаны, укрытые за валунами и стволами деревьев, вели прицельный огонь, то каратели стреляли наугад, не видя противника. В конце концов нервы не выдержали и они, забрав раненых и тело ротмистра, поспешно отступили к реке.

На следующий день усиленная конная группа вновь попыталась проникнуть в расположение повстанцев, но, вовремя замеченная дозорными партизан, была отогнана после интенсивной перестрелки. На поле боя в качестве трофеев осталось много патронов и несколько английских винтовок.

— Теперь больше не сунутся, — полагали партизаны.

Однако враг не успокоился. Спустя сутки после очередной неудачи в Ермоловск прибыл отборный офицерский конный отряд белых. Прежде чем приступить к решительным действиям, каратели предъявили партизанам грозный ультиматум, требуя немедленно и безоговорочно прекратить вооруженное сопротивление.

«... В случае дерзкого неповиновения село будет предано огню, а все жители, от мала до велика, — истреблены».

Первые сравнительно легкие победы над хорошо вооруженным и обученным врагом, однако, вскружили многим из партизан головы.

На рассвете 9 апреля конный отряд деникинцев, воспользовавшись потерей бдительности теми, кто обязан был нести четко наблюдение, ворвался внезапно в нижнюю часть села (Раннакюла), и только тогда в главный штаб партизан на Неебумяги поступил условный сигнал об опасности.

Одновременно вторая конная группа карателей двигалась скрытно вдоль долины реки Бароновка, чтоб обхватить главный штаб партизан с их левого фланга и в конечном счете, взаимодействуя с основными силами, окружить и уничтожить партизанские подразделения вместе с их штабом.

Но партизаны вовремя обнаружили противника и интенсивным огнем вынудили белогвардейцев отступить.

Однако к этому времени, из-за упомянутой выше беспечности партизанских дозорных, основной отряд карателей прорвался к северной окраине Сальме и завязал боевые действия на правом фланге повстанцев, вблизи их главного штаба. Партизаны не растерялись, открыли меткий огонь по ранее пристрелянным рубежам, вынудив карателей спешиться и вести бой в непривычной для них горно-лесистой местности, где партизанам были знакомы каждый бугорок, каждая кочка. Бой длился с небольшими передышками до самого вечера. Незадолго до захода солнца противник попытался предпринять решительную атаку на позиции партизан.

— Мис пыргу!¹ Ползут и ползут... — начали сдавать нервы у некоторых молодых.

— Прекратите панику! — крикнул Шукстов. — Трусливого пуля скорее найдет. И не стрелять, покуда эти головорезы не выйдут на открытое место. Беречь каждый патрон, каждый заряд, ибо их у нас осталось не так-то уж много.

Каратели, поддержанные с флангов пулеметным огнем, примкнули штыки и бросились вперед, встав в полный рост.

— Огонь! — скомандовал Шукстов. — Смерть врагу!

Партизаны открыли беглую пальбу. Несколько карателей из передних рядов упали.

... Деникинцы потеряли в этом бою своего атамана и десятки белых убитыми и ранеными.

* *
*

Во время упомянутого боя часть карателей свирепствовала в селе, грабя и учиняя насилие над женщинами, стариками и даже детьми, требуя, чтоб те выдавали, кто из их семей партизанит, где припрятаны оружие, продукты питания.

Не добившись требуемого признания, они жестоко избивали людей нагайками и шомполами. Г. Кренстрем и лежачий больной П. Кислев после зверского избиения потеряли разум; М. Томберга подвесили за ноги и избивали шомполами, требуя, чтобы он указал скрытую дорогу в тыл партизанских подразделений.

Какой-то предатель выдал Юлиуса Мейбаума: мол, это активный участник партизанской борьбы и у него припрятаны привезенные с фронта шашка и боеприпасы.

Дома были мать Юлиуса Мари и двое малолетних ее внуков — Николай и Владимир, то есть автор этих строк.

Во двор ворвалась группа карателей во главе с ссаулом. Они выволокли на улицу старую большую женщину.

¹ Что за ад!

— Лас-ске...¹ пустите бабку, — вступился Николай. — Она слабая и больная.

— А-а, сатаненок! — И есаул стеганул его нагайкой по спине.

Николай, взвизгнув, спрятался за спиной старухи.

— Еи, митте!..² Не можно, — решительно преградила та дорогу карателю. — Маленький не есть виноват.

— И-ишь ты, тварь поганая! — зарычал есаул. — Дать ей два десятка шомполов.

Николай, воспользовавшись суматохой, юркнул в подпол дома.

Экзекутор, здоровенный усатый казак, готовился привести приказание есаула в исполнение. Но едва он вскинул шомпол для удара с размаху, как прогремел выстрел и казак, вскинув широко руки, плюхнулся на спину. Следующим выстрелом был ранен есаул.

— Партиза-аны! — взвопили в страхе каратели и бросились врассыпную.

Воспользовавшись паникой, Николай повел бабушку к соседям, и те укрыли ее на сеновале.

А стрелял, оказывается, один из партизанских разведчиков Николай Шкляр.

* *
*

Следующие сутки протекли спокойно. Деникинцы ждали подкреплений и назначения нового командира. Вместо погибшего полковника Черноуса должность командира отряда занял прославившийся особой жестокостью полковник Кардашев. Помимо двух офицерских рот, в его распоряжение были выделены батарея полевой артиллерии и пулеметная команда.

Партизанам вновь был предъявлен категорический ультиматум, который, как и прежний, был бесстрашно отвергнут.

В указе № 1 Кардашева говорилось, что если повстанцы не выдадут своих руководителей и не прекратят сопротивления, тогда все имущество сельчан будет конфисковано и продано с аукциона, жилые постройки преданы огню, а все «смутьяне» — расстреляны.

Начав рано утром 11 апреля артподготовку, каратели ринулись в наступление, намереваясь с ходу захватить район главного штаба партизан.

Бой был неравный и, чтобы сберечь живую силу, партизаны отступили к Мехадырю, где располагались грузино-меньшевистские войска. Не решаясь продолжить преследование повстанцев во избежание вооруженного конфликта с последними, каратели приня-

¹ Отпустите.

² Нет, нельзя.

лись мстить оставшимся в селе жителям. В нижней части села (Раннакюла) к небу взметнулись всполохи огня. Это по указке бывшего царского офицера Эдуарда Милендера жгли дома и пристройки наиболее активных участников партизанской борьбы.

* *
*

Трое смельчаков — Ваню, Шкляр и Юлиус Мейбаум — осторожно пробирались по заросшему кустарником и колючими лианами овражку вдоль безымянного ручейка на восточной окраине села.

Скна народного дома были ярко освещены. Из раскрытых окон носились надрывные звуки гитары.

Судя по всему, здесь каратели устроили свой штаб.

— Мы со Шкляром поползем вперед, а ты нас прикроешь, — обратился Ваню к Юлиусу. — В случае чего,пустишь в ход трофейный «Льюис».

— Надо бы обождать, — засомневался Шкляр. — Ведь главные силы еще не успели подойти.

На душе у Шкляра, хоть он и старался крепиться, было скверно. Уж сколько раз участвовал в деле, а подобного прежде не испытывал.

Юлиус, словно уловив это настроение друга, спасшего его мать от жестокой экзекуции карателей, предложил, было, поменяться ролями с ним: пойти самому вперед, а Шкляра оставить на прикрытие, но Ваню отверг это предложение.

— Ты метко стреляешь... И вообще, раз я сказал, зачем обсуждать? Ваню за старшего, Ваню — и отвечать за все.

В шагах тридцати, за кустиками лавра, прогуливался вражеский часовой. Он то появлялся в пучке света, то вновь скрывался в темноте.

Из ярко освещенного зала доносились пьяные голоса, визг девиц. В одной из них Шкляр узнал невесту предателя Милендера. Часовой осторожно, время от времени замедляя шаг, словно предчувствуя неладное, приближался к разведчикам.

Под коваными железом английскими башмаками часового похрустывали сухие ветви. — Ну, пора! — И Ваню ловким прыжком навалился на часового; повалив, стиснул ему ладонью рот.

Шкляр, освободившись наконец от скованности, уцепился за ноги деникинца, пытаясь их опутать приготовленным загодя ремнем. Но пластун был не из слабосильных. Оттолкнув рывком колена Ваню, он закричал, призывая на помощь. Шкляр выхватил из-за голенища нож...

Музыка и пьяный гогот в зале стихли. После секундной растерянности в стане врага началась суматоха. Юлиус, поняв, что дело

срывается, дал по окнам очередь из «Льюиса». Полупьяные каратели пытались спастись бегством через боковое окно, но и тут их настигали меткие пули Юлиуса.

И вдруг с чердака застучал пулемет. Слева и справа открылась беспорядочная стрельба. Из-за угла расположенного на пригорке дома, выкинув длинный сноп огня, ухнуло орудие.

Вано швырнул в слуховое окно чердака «лимонку». Взрывом снесло часть крыши — пулемет смолк.

— Спешно отойти, — приказал Вано.

Но Шкляр не послушался.

Воспользовавшись темной и паникой в стане карателей, он полolz, держа наготове ручную гранату, к оружейной батарее врага. Однако исполнить свое намерение ему не удалось. Когда до цели оставалось совсем немного, вдруг вспыхнула осветительная ракета.

— Вот... вот он! — заголосили бросившиеся со всех сторон каратели.

Дождавшись, когда они подойдут вплотную, Шкляр выпрямился во весь рост и со словами: «Получайте, гады-изверги!» швырнул гранату в гузу врага.

Попытка полковника Кардашева остановить перетрусивших вояк, навести порядок ни к чему не привела. Бросая оружие, награбленное имущество, деникинские вояки рассыпались кто куда. Сам полковник едва не угодил в руки партизан, лишь в последний момент успев вскочить на снарядную двуколку.

* *
*

Партизаны торжествовали победу. Враг был разгромлен и бежал в Ермоловск, оставив на поле боя десятки трупов, много боеприпасов и трофейного оружия.

Но и горя людям причинил он немало. Женщины и старики, выйдя из укрытий, с болью в сердце зрели на оставленные врагом пепелища в нижней части села. Нетронутыми остались лишь некоторые дома местных богатеев. В их числе был и дом предателя Эдуарда Милендера.

— Мис сийс синна ваадата! Панна тулд я кыйк!..¹ — требовали убитые горем женщины.

— Нет... не дело это, — возразил Шукстов. — Мы не бандиты. Попадется в руки к нам, будем судить по закону.

* *
*

¹ Что ж глядеть! Пустить петуха, и дело с концом!

Юлиус тяжело переживал за своего друга Александра Шнейдера — тот был ранен разрывной пулей в правое плечо во время ночной атаки. С помощью Ваню Шнейдера удалось отправить тайком в Гагру, где знакомый фельдшер-грузин устроил его в больницу.

Понеся тяжелые потери¹ и не достигнув намеченной цели — разгрома партизан, враг прибег к хитрости: предводитель карателей Кардашев пригласил представителей окрестных сел на «мирные» переговоры в расположенный по соседству с Ермоловском поселок Пиленково, ныне Гантиади, где располагался штаб карателей, грозя в случае неявки действовать так, «как в эстонке-Сальме».

Представители сел, в том числе Сальме и Сулев, веря и не веря, все же прибыли в Пиленково, полагая, что враг после понесенных тяжелых поражений образумится и прекратит свои карательные экспедиции.

Кардашев примирительным тоном заявил, что приказ о всеобщей мобилизации отныне на села, расположенные в междуречье Псоу — Мехадыр, не распространяется, но что партизаны должны выдать своих руководителей и сдать оружие.

Делегаты из сел это наглое требование отвергли, решив продолжить борьбу.

На следующий день, 16 апреля, деникинцы возобновили наступление в районе села Мехадыр. Одновременно контрразведка врага натравливала армяно-дашнакские подразделения на партизан, говоря, что последние действуют заодно с грузинскими меньшевиками, с тем, чтобы возобновить резню в армянских селениях, подобно той, которая была проведена в январе 1919 года. И в какой-то мере эта провокация удалась.

Расположенные поблизости грузино-меньшевистские войска, якобы в целях защиты попавших в трудное положение партизан, на деле же преследуя собственные цели, утверждая, что исторические границы Грузии простираются вплоть до реки Мзымта, 17—18 апреля начали боевые действия против деникинцев. Те, не оказывая серьезного сопротивления, вскоре откатились к Адлеру. Но тут вмешалось британское командование. Во избежание дальнейших стычек между противоборствующими сторонами, по его требованию между ними была установлена нейтральная зона. В буферную территорию, разграниченную с юга-востока рекой Мехадыр, с северо-запада — рекой Псоу, вошли пять сел: Сальме, Сулев, Михельрипш, Бароновка, Мехадыр, а также поселки Ермоловск и Пиленково.

Но желанной передышки, на которую рассчитывали местные

¹ В период боевых действий с 9 по 13 апреля 1919 года враг потерял 96 человек убитыми и много ранеными.

крестьяне с установлением так называемой «нейтральной зоны», не наступило. Деникинские каратели продолжали бесчинствовать, натравливать на жителей сел Сальме, Сулев и других армянских националистов.

Они жестоко расправлялись с участниками партизанской борьбы. Выследив партизана Петра Кыва, когда тот решил навестить семью, они жестоко избили его, затем у него же на глазах изнасиловали его жену. Поиздевавшись вдоволь над партизаном, они закололи его штыками.

В условиях деникинского террора большая часть эстонских семей из Сальме и Сулева эвакуировалась в апреле — мае 1919 года в Абхазию, в расположенные в окрестностях Сухума эстонские селения (Юлем и Алам Линда и другие). Однако значительная часть мужчин мобилизационного возраста продолжала бороться с оружием в руках против деникинских карателей, нанося им значительный урон, совершая ночные рейды в их тылы, чтоб добыть вооружение и боеприпасы, в которых ощущалась острая нужда. Особенно активно действовал партизанский отряд М. Фурника в окрестностях сел Сулев — Евдокимовка.

Часть крестьян — особенно из числа зажиточных — все еще верила в «благородные намерения» английского командования, по чьему требованию была установлена «нейтральная зона».

«Если им объяснить все, рассказать о злодеяниях деникинцев — о насилиях, грабежах, убийствах ни в чем не повинных людей, то они наверняка предпримут какие-нибудь меры, чтоб оградить нас от произвола своих союзников», — полагали многие из них.

И вот, лелея подобные наивные надежды, представители сел Сальме, Сулев, Красная Поляна и некоторых других отправились на второй день пасхи на прием в британскую миссию, которая располагалась в Гагре.

«Уж в день христова праздника нам не откажут.»

Правда, руководитель миссии полковник Файнс принял посланцев располагавшихся в пределах «нейтральной зоны» сел, но без обиняков дал понять, что выступать «в защиту бунтовщиков, не подчиняющихся требованиям законных властей» он не намерен. Жалобы же их, изложенные в письменном виде, лицемерно принял, пообещав представить британским властям. На самом же деле все эти документы были переданы начальнику карательных подразделений в Сочинском округе генералу Бурневичу, и тот незамедлительно ужесточил репрессии.

Так, на второй же день в районе села Сулев были схвачены, по пути домой, пять участников упомянутой выше встречи в британской военной миссии из Красной Поляны. В числе их были трое эстонцев, жителей Эстосадока — Оскар Тобиас, Николай Рейсман и Иоганнес Спигель. После жестоких пыток всех их расстреляли, а

тела бросили в овраг. В живых остался лишь их проводник А. Нугис.

Одновременно в районе села Сулев были сконцентрированы большие силы карателей — два батальона пехоты, две армяно-дашнакские дружины с приданными артиллерийскими и пулеметными подразделениями, чтобы «окончательно разделаться с партизанами». Утром 30 мая, после интенсивной артподготовки, деникинцы пошли в наступление на позиции партизан, укрепившихся на склонах горы Мехадырь. Но те метким огнем вынудили врага отступить. Повторное наступление карателей вновь окончилось неудачей.

Лишь к вечеру им удалось потеснить левый фланг партизан, которые, боясь окружения, отступили в расположение грузино-меньшевистских частей, вследствие чего между теми и деникинцами завязалась вооруженная стычка. В результате каратели вынуждены были отступить. К исходу 2 июня партизаны вновь восстановили свои первоначальные позиции в «нейтральной зоне».

* *
*

Попытки деникинцев уничтожить партизанские отряды в «нейтральной зоне» продолжались в течение всего лета, но безуспешно. Лишь осенью, когда Деникин мобилизовал все свои резервы, чтобы сломить сопротивление частей Красной Армии при наступлении на Москву, настало относительное спокойствие, и семьи понемногу стали возвращаться в свои разоренные села.

Но партизаны не сложили оружия, понимая, что затишье это вынужденное и в случае успеха в московской эпопее враг навалится на «непокорных» с удвоенной силой. Не сдобровалось бы в этом случае и грузинским меньшевикам — Деникин, как известно, был рьяным противником автономии малых народностей. Понимая это, грузинские меньшевики стали негласно понемногу поддерживать партизан на юге Сочинского округа в их борьбе против деникинцев.

В октябре — ноябре, когда наступление деникинцев захлебнулось и они покатылись на юг, меньшевики и эсеры задались целью направить ширившееся партизанское движение в своих предательских целях. Маскируясь под демократических деятелей, ловко манипулируя популярными лозунгами «свободы», «справедливости», «защиты интересов трудового крестьянства», они сумели приобрести некоторый авторитет среди сельского населения, в особенности его зажиточной верхушки.

В ноябре 1919 года меньшевикам и эсерам удалось созвать в Гагре так называемый Крестьянский съезд Черноморья с участием в основном делегатов от зажиточного крестьянства, на котором

был сформирован Комитет освобождения Черноморья (КОЧ). Конечной целью меньшевиков и эсеров явилось создание некоего «буферного государства» между Грузией и Советской Республикой.

Чтобы сорвать этот их тайный план, в начале 1920 года под видом военспецов Кавказским крайкомом ВКП(б) в Гагру была направлена группа большевиков и сочувствующих партии. В числе их были В. Фавицкий, И. Казанский, М. Томашевский, И. Саблин, И. Шевцов и другие. Понятно, что это делалось нелегально, с соблюдением строгих правил конспирации.

М. Томашевский, в прошлом эсер, быстро вошел в доверие к руководству КОЧ и спустя несколько дней был назначен начальником штаба Армии освобождения Черноморья, формируемой из местных партизанских подразделений, интернированных в Грузии бывших бойцов Красной Армии и деникинских перебежчиков.

Первая и третья дружины были сформированы в Гагре, вторая дружина, возглавляемая уже знакомым нам Ваню Дзидзигури, — в «нейтральной зоне». В нее, помимо эстонцев из Сальме, Сулева и Ермоловки, вошли также русские, молдаване, грузины, абхазы.

Представители большевиков повели среди бойцов активную пропагандистскую работу, разъясняя им, что только большевистская партия является истинной защитницей крестьян и всего трудового народа. Делалось это, понятно, не в открытую.

Воспользовавшись ослаблением сил и боевого духа расположенных вдоль реки Псоу, по ее правому берегу, деникинских частей, партизаны развернули 28 января 1920 года успешное наступление на их боевые позиции.

После непродолжительного сопротивления деникинские части и поддерживавшие их националистические армянские дружины вынуждены были отступить в Адлер. Но и там им не удалось задержаться. Не увенчалась успехом и их попытка закрепиться на склонах горы Ахун, и 3 февраля деникинцы были выбиты из окруженного центра — Сочи.

Большинство партизан из Сальме и Сулева сочло свою задачу этим выполненной и вернулось домой. Но борьба еще не была оконченной. Предстояло пережить немало тяжелых испытаний, пока в «нейтральной зоне» не была окончательно установлена справедливая, истинно народная Советская власть.

ВСЕ БОГАТСТВО — ДВА ОБГОРЕЛЫХ СТОЛБА И ГОЛОДНАЯ СОБАКА

В конце марта 1920 года положение жителей Сальме, Сулева и Ермоловска вновь приняло трагический оборот: 60-тысячная армия деникинцев под натиском Красной Армии навалилась на Гойтхский перевал; смяв горстку защитников горного прохода, эта лавина полюбозумевших от страха людей хлынула на побережье Черного моря.

Поскольку грузино-меньшевистские войска преградили им путь отступления на юг, многие части деникинской армии были расквартированы в селах «нейтральной зоны». Деморализованные вояки учиняли произвол, мародерствуя, отбирая последние остатки продовольствия и фуража.

В этой обстановке жители междуречья Псоу—Мехадырь вновь взялись за оружие и подались в горы. Наиболее ожесточенные бои между партизанами и казачьими частями, пытавшимися прорваться по долине реки Псоу на север, произошли 1, 2 и 3 мая. В итоге деникинцы вынуждены были отступить к морю, оставив на поле боя много убитых. В руки партизан попали 43 стрелковых коня, много оружия (винтовок, пулеметов, гранатометов, ручных гранат) и боеприпасов.

2 мая «Добрармия» вынуждена была капитулировать, сдаться на условиях, продиктованных командованием Красной Армии.

9 мая 1920 года в Сальме и Сулев прибыл 298-й пехотный полк Красной Армии, входивший в состав ее 34-й дивизии. По этому случаю в Сальме состоялся торжественный митинг, на котором выступил командир полка С. Диринов. Он от лица командования Красной Армии сердечно поблагодарил поселенцев-эстонцев за активное участие в борьбе против деникинцев, в установлении Советской власти на Черноморье. Тут же был избран Ревком села Сальме в составе М. Томберга, А. Шукстова и И. Киршберга¹.

Но мирный период жизни оказался кратким и на этот раз. Грузино-меньшевистские войска, нарушив условия заключенного между РСФСР и Грузией 7 мая 1920 года мирный договор, согласно которому междуречье Псоу—Мехадырь вновь было объявлено нейтральной зоной, вскоре оккупировали эстонские селения Сальме и Сулев.

И вновь начались репрессии, обыски, грабежи, насилия. К тому же на поселенцев были наложены непосильные налоги, их принуждали транспортировать военное имущество и боеприпасы, выполнять всевозможные оборонительные работы.

В начале 1921 года под руководством Кавказского бюро ЦК

¹ *Лембит Выйме. Путь в новую жизнь. Таллин, 1980.*

ВКП(б) началась подготовка к вооруженному восстанию трудящихся Грузии с целью свержения антинародного меньшевистского режима.

Меньшевистское правительство не имело поддержки в народных массах, и 12 февраля вспыхнуло всеобщее восстание грузинского народа. На помощь восставшим, по их просьбе, пришли части Красной Армии.

Особенно жестокие сражения происходили 19 февраля в «нейтральной зоне», где грузино-меньшевистские войска оборудовали долговременную оборону. К тому же их поддерживала с моря французская эскадра.

И тут неоценимую помощь частям 91-й бригады 31-й дивизии Красной Армии оказала группа партизанского отряда А. Петерсона в количестве 12 человек, которая в составе разведкоманды 271-го полка помогла красноармейцам скрытно обойти правый фланг противника и развернуть бой в его тылу. В результате в рядах меньшевистских войск началась паника, и частям Красной Армии вскоре удалось овладеть Гагрой, а затем и Сухумом.

Поселенцы приветствовали победу Советской власти в Грузии и Абхазии. В одной из резолюций собрания жителей села Сулева отмечалось:

«Мы, граждане дер. Сулево, приветствуем Советскую власть и партию коммунистов, в героической борьбе освободивших трудящихся от гнета эксплуатации. Да здравствует власть Советов, да здравствует Коммунистическая партия!»¹

* *
*

В результате трехлетних грабежей и произвола в период грузино-меньшевистской и денкинской оккупации хозяйства переселенцев пришли в полный упадок. Не было ни семян, ни хлеба, ни сельскохозяйственного инвентаря и тягла. Жители нижней части села Сальме не имели даже крыши над головой.

— Все мое богатство — два обгорелых столба от дома и голодная собака, чудом избежавшая денкинской пули, — с грустной усмешкой жаловался Йоханнес Томассон.

Не в лучшем положении были и погорельцы Р. Киселев, Я. Блок, И. Кренвальк, Г. Кренстрем, И. Пярнпуу, Ю. Киви, Ида и Август Танвели. Но Советская власть не оставила их в беде, предоставив ссуду, строительные материалы, семенной материал, тягло, сельскохозяйственный инвентарь, конфискованный у местных помещиков.

По инициативе партийных органов Кубани в Сальме хозяйством, особо пострадавшим в годы денкинской и грузино-меньшевистской оккупации, прислали вагон муки.

¹ *Лембит Вийме. Путь в новую жизнь. Таллин, 1980.*

Видя такую заботу, крестьяне с удвоенной энергией принялись за налаживание своих разоренных хозяйств. Те, у кого не было тягла, не пренебрегли и лопатой, мотыгой. Весной все поля были засеяны. И хотя первый мирный год и выдался засушливым, осенью был собран неплохой урожаем кукурузы. А кукуруза на Кавказе — второй хлеб.

Правда, картофель не уродился. Из раскаленной, потрескавшейся земли можно было извлечь лишь сморщенные, величиной чуть больше наперстка клубни. Но и тут Юлиуса Мейбаума выручила крестьянская смекалка. Появив с недельку эти горе-клубни на солнцепеке, он в начале августа, когда пошли дожди, посадил их вновь в грядки. Соседи посмеивались над ним: дескать, где это видано, где это слышано, что картофель сажают осенью?

Но, к удивлению всех, опыт удался: клубни, вызрев к концу октября, вымахали с увесистый кулак — гладенькие, бледно-розовые, с нежной кожицей. А сварить — сплошной крахмал!

Отваривали и ели, помню, помакав их в соль, с таким наслаждением, будто ничего вкуснее и не могло быть на свете.

С тех пор и по сегодняшний день опытом этим пользуются крестьяне многих окрестных сел и даже совхозные ученые-агрономы. И, конечно, никто уже не помнит, кто первым надоумился это сделать. «Открывают» открытое вновь, пишут трактаты, кандидатские диссертации...

Обрадованный успехом, Юлиус привел в ту осень 1921 года домой молодую красавицу Хульду. Гордился он не только женой и родившейся затем дочерью Эрмине¹. Нет, не только ими. Являясь по складу характера, по натуре человеком справедливым, решительным и храбрым, он особенно гордился своими боевыми подвигами как на фронте, так и в местном партизанском отряде. Правда, орденов и медалей ему не досталось, зато... зато в знак его боевых заслуг, по решению Ревкома села, ему подарили отбитого у деникинского полковника английского скакового коня.

Какой же это был красавец! Стройный, высоконогий, черной масти, с остро торчащими маленькими ушами, полными боевой страсти горящими глазами — хоть сейчас в бой!

Но воевать ему больше не довелось. Юлиус понемногу приучал его к упряже. Однако Муст Юсь (Черный Юсь), как его прозвали, считал это ниже своего достоинства — надо полагать, умное существо понимало, что все эти годы ему приходилось катать на своей могучей спине не простого смертного. Как только на него надевали сбрую, он выказывал бурный протест: брыкался, неистово храпел, косясь синеватым белком глаза на «неразумного» хозяина, дерзнувшему превратить заслуженного боевого коня в покорного работника.

¹ Она вскоре умерла от скарлатины.

Зато просто покатать верхом — о, это он делал с величайшим удовольствием, — будь то стар или млад. Прокатит с ветерком, задрав хвост, насторожив уши, азартно храпя и фыркая.

Но благодаря терпеливому упорству хозяина, ласке и сладостям, которые конь любил, постепенно все же удалось приручить гордого упрямяца. Хотя трудился он, прямо сказать, без особого энтузиазма, с хитрой ленцой, как бы делая одолжение человеку, который его кормил и поил, ласково похлопывал каждое утро по загривку.

На юг в ту голодную годину хлынула масса голодных, больных, опухших от недоедания людей из Заволжья, центральных районов России. Многие умирали тут же, на берегу горной реки Псоу, не в силах преодолеть ее вброд.

За пуд кукурузной муки можно было выменять мотоцикл или пианино (были среди голодающих и состоятельные люди). Этим некоторые пользовались . . .

Помню, дядя мой Юлиус всегда возмущался: как это можно наживаться на чужой беде? Я ходил до девяти лет в старой рваной одежде, сыновья зажиточных крестьян частенько насмехались надо мной, отказываясь играть вместе. Дядя меня успокаивал: учись прилежно, не чурайся труда и вырастешь хорошим, полезным для страны человеком. Советский властью созданы все условия для этого.

Несмотря на первые успехи, год выдался для большинства сельчан трудным. О мясе, молоке, масле можно было лишь мечтать. Из кукурузной муки с различными примесями пекли хлеб, который делили, нарезаая ломтиками, с учетом возраста и трудового вклада едока. Щи варили из дикорастущей зелени — лебеды, борщевика, крапивы . . . Изредка духоборы и эстонцы из прибрежного селения, располагавшегося в Имеретинской Бухте, — Мерекюла, привозили хамсу и барабульку. Стоила эта рыбная мелочь сравнительно недорого. Но не на чем было ее жарить — не было ни жиров, ни растительного масла. Тогда бабушка Мари нашла довольно остроумный выход: уложив аккуратненько несколькими слоями рыбешку на большую сковороду, она заливала ее томатным соком и тушила на медленном огне. Добавлялись, конечно, перец, лавровый лист, лук, укроп . . . О-о, это было объединение!

Безбедно жила лишь зажиточная сельская верхушка. У Юхана Танвела, хозяина водяной мельницы в селе Веселое, не было разве что птичьего молока. Я дружил, правда, вопреки желаниям родителей, с его младшим сыном Юханнесом, кратко — просто Юссь. Это был хороший, чуткий товарищ (мы дружили до самой его кончины в 1953 году)¹. Так вот дружок мой, зная, что я недоедаю, частенько, когда из старших никого не было дома, приглашал

¹ После войны и до последнего дня жизни он преподавал в Тартуском государственном университете русский язык и литературу.

меня в свою кухню, угощал пирожками, жареной свиной, домашней колбасой и всякими прочими превкусными кулинарными изделиями. Затем он, не без гордости, брал меня за руку, приглашал в большой зал, где, посверкивая черным лаком, стояло концертное пианино, важно усаживался и начинал наигрывать правда, не совсем уверенно, «Лабаяла вальс». Я, конечно, от всего увиденного и услышанного находился на седьмом небе. Дом был большой под железной крышей. Кроме зала, где находилось пианино, имелся еще второй, такой же обширный. Там стояли кровати под кисейными покрывалами. Были еще большие передняя, кухня-столовая, две веранды, увитые виноградом и глициниями. Во дворе — большой амбар с зерном и мукой, сарай, где красовались откормленные кони, несколько коров. Видя все это, верил и не верил собственным глазам. Правда, какого-либо чувства осуждения, понимания, что все увиденные мною блага добыты чужим потом, чужим трудом, у меня в ту младенческую пору не было. Наоборот, я гордился, что дружу с мальчиком из такой хорошей семьи, и немножечко, понятно, завидовал ему. Ведь помимо всего прочего у всех членов семьи мельника были посверкивающие никелем велосипеды. Было это «чудо века» и у Юханнеса. А когда он несколько раз покатал меня на велосипеде, тут уж вовсе выросли у меня крылья.

Но, пожалуй, на еще более высокой ступеньке стоял бывший волостной староста И. Кратсов. Он построил себе в самом центре Ермоловска двухэтажный каменный дом, небольшой ресторанчик, завсedaтaями которого были те, у кого звенело в карманах, а также проезжие пассажиры, ибо заведение сие располагалось в нескольких шагах от шоссе Новороссийск — Сухум.

Конкурентом Кратсова в верхней части села Сальме был Юрий Пани, местный винодел. У него собиралась менее изысканная публика. Пили кислое красное вино, настоенное для крепости на табаке, играли в «дурачка», обменивались новостями. Закуску тут не предлагали. Чем скорее ударяло гостям в голову, тем выгоднее было хозяину: можно было подать и разбавленную болтушку, «сдобренный» сивухой фруктовый сок. Когда человек не в состоянии здраво мыслить, ему можно подсунуть все, что угодно, лишь бы пахло спиртным.

О самом хозяине ходила дурная слава, но деньги ведь не пахнут. Он с каждым годом расширял свои виноградники и в этом смысле оказался дальновиднее других — потребность в «увеселительном напитке» не подвергалась конъюнктурным колебаниям, как, к примеру, продукция садоводства. Те, кто прежде извлекал довольно солидные доходы из этой отрасли, вынуждены были переключиться, из-за падения спроса на фрукты, на менее рентабельную отрасль — посев зерновых культур: пшеницы, кукурузы, овса, ячменя, ржи, ибо изголодавшимся людям нужен был хлеб.

Следует отметить, что после окончательного установления Советской власти весной 1921 года большинство эстонских поселений Черноморского побережья Кавказа, в том числе Сальме, Сулев, Эстосадок, оказались в пределах РСФСР. Однако в апреле 1922 года ЦИК Абхазии обратился в Москву с просьбой восстановить исторические границы Абхазии до реки Псоу. После длительного обсуждения этого вопроса упомянутая выше просьба была удовлетворена, и постановлением ЦИК СССР от 1925 года вся территория бывшей нейтральной зоны — с эстонскими селениями Сальме и Сулев — перешла в административное подчинение Абхазской АССР. Фактически же реорганизация эта была завершена лишь к весне 1929 года.

Ввиду ограниченности предлагаемого государством товарного фонда во встречной торговле с крестьянами — в основном это были топоры, косы, серпы, соль, лопаты, бороны и другой инвентарь — хозяйства эстонских поселенцев приобретали все более натуральную форму. Сеяли лен, хлопок, из которых выделывали пряжу, а затем ткали из нее на самодельных ткацких станках полотно. Обувь также тачали из сыромятной кожи, чаще в виде постолов — подобие кожаных чуней. Керосина не было, и приходилось пользоваться самодельными коптилками, пачиненными растительным маслом либо лучинами.

Простейший сельхозинвентарь, колеса для подвод, конскую сбрую, бочки для засолки овощей и прочее изготовляли сельские умельцы Мадис и Юлиус Чернягины, Йоосеп и Иоханнес Тийсмусы и некоторые другие. Впрочем, кузнечные мехи и наковальни были почти в каждом хозяйстве. Как говорится: на бога надейся, а сам не плошай.

Помимо местных партийных и советских органов, большую помощь в налаживании разоренных войной крестьянских хозяйств в эстонских поселениях оказывал эстонский отдел Наркомнаца. На места выезжали инструкторы, агрономы, которые советовали, как лучше вести хозяйство, наладить севообороты, удобрение полей, бороться с сельхозвредителями и т. д. В ряде случаев ставились вопросы и оказывалась помощь в механизации сельхозработ (приобретение молотилок, косилок, конных граблей и других). Организовывались производственные и потребительские кооперативы.

Средняцкие и зажиточные хозяйства быстро набирали силу, достигали по доходности довоенного уровня. В худшем положении были батраки и бедняцкие хозяйства. Свободных земель в пойме реки Псоу не было, и многие продолжали гнуть спину в хозяйствах своих зажиточных «благодетелей». По данным Л. Выйме¹, в 1919 году в эстонских поселениях Сальме и Сулев наемным трудом (постоянным) пользовались 26,1—26,2% хозяйств.

¹ *Лембит Выйме. Путь в новую жизнь. Таллин, 1980.*

И ВНОВЬ ЗАЗВУЧАЛА ПЕСНЯ

В эстонских селениях Сальме и Сулев потребительские кооперативы были созданы в 1917 году. Но в условиях гражданской войны их деятельность была ограничена, а порой, особенно в период деникинской оккупации, и вовсе замирала. В последующий период — 1921—1929 годы — кооперативное движение все более крепло, росли его торговый и финансовый оборот, прибыль, а также число членов. Если в 1923 году в Сальменском кооперативе состояло 220 человек, то к 1928—1929 гг. цифра возросла до 981¹.

По инициативе Александра Тийсмуса, Рихарда Кренстрема, Яана Лоссмана в Сальме было организовано Сельскохозяйственное кредитное товарищество с прокатным пунктом. С помощью этой формы сельхозкооперации крестьяне могли брать напрокат всевозможные орудия для обработки земли, сельхозмашины (косилки, плуги, бороны, конные грабли и т. д.), закупать строительные материалы, удобрения, ядохимикаты для обработки садов и огородных культур. Облегчалась реализация собственной продукции.

«Сельскохозяйственное товарищество открыло магазин, который продает сельхозмашины и необходимый в сельскохозяйственном производстве инвентарь, закупает по приличной цене продукцию садоводства у поселян», — писал один из сальменцев в 1925 году в газете «Эдази».

А другой корреспондент из этого же села сообщает²:

«Сальменский кооператив ... конкурируя низкими ценами с частными торговцами, закупает у поселян продукцию их хозяйств и снабжает их необходимыми товарами...»

Сельская беднота и середняки видели в кооперативе способ избавиться от кулацкого засилья, от перекупщиков-спекулянтов.

Исполком Черноморского округа в 1926 году в своем докладе отмечает высокий уровень сельскохозяйственного производства и жизни среди поселенцев-эстонцев. Сальменцы «ведут свое хозяйство образцово и живут хорошо», — говорится в упомянутом документе.

В результате проводимых органами Советской власти мероприятий, и в частности кооперации, материальное положение бедняцких и середняцких хозяйств заметно улучшилось.

Середняк стал центральной фигурой в эстонских поселениях. По данным Л. Выйме³, социальный состав в эстонских поселениях в Сальме и Сулеве представлялся в следующем виде (в 1925—1926 годах): бедняцких хозяйств — 27,5%, середняков — 60,7%, зажиточных и кулаков — 11,8%.

¹ Лембит Выйме. Путь в новую жизнь. Таллин, 1980.

² Там же.

³ Там же.

В связи с улучшением жизненного уровня поселенцев заметно оживилась и культурно-массовая работа, культурное общество «Койт» («Заря») объединяло в Сальме в 1924 году 40 активистов-общественников. Работали духовой оркестр, смешанный хор и драматический кружок.

Оживлению культмассовой работы в Сальме способствовала также материальная поддержка местной потребительской кооперации, выделившей на эти цели в 1923 году 355 рублей, а в 1924 году — 600 рублей. В связи с этим на общем собрании жителей села в 1924 году было принято решение — соорудить пристройку к народному дому для организации избы-читальни с библиотекой¹.

В том же 1924 году жители Сальме и Сулева отпраздновали свой 40-летний юбилей. В празднествах участвовали также художественные коллективы из Эстосадока, Веселого, Ермоловска и других. Три дня гремели духовые оркестры Сальме и Сулева, выступал объединенный хор трех сел — Сальме, Сулева, Красной Поляны (Эстосадока), ставились спектакли, устраивались лотереи, игры, спортивные состязания . . . Было очень торжественно и весело.

Однако старые формы культурно-просветительной работы уже не соответствовали установкам партии на постепенное социалистическое переустройство деревни.

«Коммуны, артельная обработка, товарищества крестьян, — говорил В. И. Ленин, — вот где спасение от невыгод мелкого хозяйства, вот в чем средство поднятия и улучшения хозяйства, экономии сил и борьбы с кулачеством, тунеядством и эксплуатацией»².

В культурном обществе «Койт» по существу политико-просветительная работа не проводилась; вся деятельность его ограничивалась чисто культурными мероприятиями. Концертные программы, пьесы, которые ставились, не мобилизовывали массы трудящихся крестьян на борьбу за социалистическое переустройство деревни, затушевывали обостряющиеся классовые противоречия между трудовым крестьянством и кулачеством: мол, все мы, эстонцы, сыны и дочери «единных кровей». Подобная замкнутость, аполитичность все чаще вызывали протесты со стороны сельской бедноты и части середняков. В конце 1924 года ими был поставлен вопрос о коренной перестройке на принципах партийности всей культурно-просветительной работы, ликвидации культурного общества «Койт», этого «пережитка буржуазного общества», которое вводило трудящихся от насущных задач борьбы за новое.

Спустя год, в октябре 1925-го, несмотря на противодействие националистически настроенных зажиточных крестьян, общество это было ликвидировано. Вся политико-просветительная работа сосредоточилась в клубе и избе-читальне, работу которых возглавил

¹ *Лембит Выйме*. Путь в новую жизнь. Таллин, 1980.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 179—180.

выпускник Ленинградской совпартшколы А. Адассон. Начали работать политкружки, проводились квалифицированные консультации и лекции по международному положению и внутренней политике большевистской партии и правительства по индустриализации страны и социалистическому переустройству сельской экономики. Праздники песни, постановка пьес, работа оркестров подчинялись все чаще задачам политической агитации, что обогащало культурно-воспитательную работу, наполняя ее социалистическим содержанием. А это в свою очередь способствовало росту сознательности, политической активности масс, правильной классово-ориентации их в борьбе с враждебными силами, в частности с кулачеством.

Всю политико-просветительную и агитационную работу возглавляли партийная и комсомольская ячейки. Из сельских коммунистов следует особо отметить активного участника партизанской борьбы Антона Шукстова, Яана Лоссмана, Рудольфа Чернягина, Ханса Северина. Они руководили работой производственной и бытовой кооперации, защищали батраков и бедняков от засилья зажиточных слоев крестьянства и в особенности кулаков, владельцев кустарных предприятий (сельских кузниц, мастерских по ремонту сельхозинвентаря, механизированных токов, лесопилок, мельниц и др.).

Работа эта была нелегкой. Кулаки и зажиточные крестьяне порой продирались в кооперативы, земельные комиссии, во всевозможные комитеты и культурно-просветительные организации. В тех случаях, когда это им не удавалось, они старались направить в эти организации своих пособников из числа бедняков и середняков.

Они препятствовали перераспределению земель при проведении землеустроительных работ, оставляя себе лучшие земли, скрывали размеры своих участков, организовывали фиктивный дележ земли между членами семьи и т. д.

С бешенством восприняли они социалистические преобразования в деревне.

«Коммуны нам не нужны. Это не что иное как хитрость лентяев, — писал один из враждебных корреспондентов на страницах издаваемой на эстонском языке газеты «Эдази» 8 января 1930 года. — Вы потому бедны, что отлыниваете от работы... В Сулеве нельзя никак организовать коллективное хозяйство из-за разбросанности земель, пригодных для совместной обработки... В коллективе начнется снова рабство...»

Кулаки и подкулачники проводили свою агитацию открыто и скрытно, действуя тихой сапой, распуская всевозможные слухи вроде: «В колхозах превратят всех людей в нищих, заставить спать под общим 70-метровым одеялом». Слова эти взяты из упомянутой выше корреспонденции.

И, надо сказать, порой им, враждебным элементам как наиболее грамотным (иные из них имели среднее образование), удавалось замутить головы некоторым руководителям различных комитетов и комиссий.

Партийные и комсомольские активисты вели решительную борьбу с подобными явлениями, на конкретных примерах раскрывали эксплуататорскую сущность, враждебность к социалистическому строю этих «просветителей». Все они жирели, накапливали свои богатства за счет труда батраков и беднейшего крестьянства или же высоких гарницевых сборов, как это делали владельцы мельниц Танвели.

Однако враги не ограничивались словесной агитацией. Иной раз они прибегали и к прямым угрозам расправиться с партийцами, комсомольскими активистами, селькорами, учителями — всеми теми, кто поддерживал политику партии и правительства по социалистическому переустройству села. А тех, кто не прислушивался к их угрозам, порой уничтожали физически. Так в 1928 году из-за угла был убит в селе Сулев комсомольский активист Йоханнес Хейманн. Были совершены нападения на селькора Яана Льюке и учителя И. Кябиссона. Приведенные примеры не единичные.

Большую культурно-массовую и агитационную работу проводили сельские учителя. В 1921 году вернулся в Сальме из Новороссийска всеми уважаемый высококвалифицированный учитель и деятель культуры Тынис Камма с сыновьями Николаем, Константином и Борисом, одаренными музыкантами. Николай Камма стал руководителем смешанного хора и духового оркестра, Борис — солистом. Сам Тынис Камма руководил школьным хором и драмкружком.

Учитель был строг с теми, кто ленился, нарушал установленные им школьные порядки, но справедлив.

Вот несколько примеров. Денег на приобретение чернил у меня, сироты, не было. Тогда один из учеников из зажиточной семьи надоумил меня изготовить чернила из сажи: поскребешь, мол, ложечкой из дымохода, разведешь теплой водой — и пиши.

Я так и поступил. Писал я аккуратно, красиво — и все сходило. Но вот однажды мой советчик разбил свою чернильницу и попросил отлить ему моих «чернил», изготовленных по его же рецепту.

Писал он неряшливо, торопливо и в нескольких местах размазал написанное. Учитель сразу же догадался, в чем дело — взял тетрадку и провел исписанными страницами по лицу изобретателя нового метода изготовления чернил.

— А его что ж? — сквозь хныканье указал тот на меня.

— У него нет ни отца, ни матери... У тебя же достаточно обеспеченные родители.

А вот второй пример. Сын мельника из хулиганских побуж-

дений плюнул в бачок с питьевой водой. Учитель, выслушав жалобу дежурного по классу, строго поглядел на нарушителя и заставил его весь день носить с раположенного под горкой родника воду для питья и хозяйственных надобностей (мытьё полов, полив цветов в оранжерее). Когда разобиженные родители прибыли на второй день с претензиями: мол, как вы смеете издеваться над нашим ребенком? — тот ответил, что коль вы считаете себя культурными людьми, воспитывайте в этом духе и своего ребенка... чтоб он не ставил себя выше других, уважал товарищей, строго соблюдал школьные порядки. — Я же, — продолжал учитель, — не делаю различий между учениками, исходя из имущественного положения родителей. Некоторое снисхождение допускаю в отношении тех, о ком некому заботиться, — и он хитро поглядел сквозь толстые стекла очков в мою сторону.

Тех, кто был старательным, хорошо и отлично учился, он всячески поощрял, ставил в пример другим, а иногда помогал и материально из школьного фонда — фонд создавался из средств, полученных от платных школьных спектаклей, и предназначался для организации экскурсий в Сочи, Гагру и другие города.

Все мы с большим уважением относились к седовласому, но стройному, рослому учителю, который столько лет тому назад учил еще наших отцов и матерей. В 1924 году он ушел на пенсию и его заменил также уже знакомый нам по прежним годам Ханс Ялес, вернувшийся из Эстонии после провозглашения там буржуазной республики.

Сын учителя Вамбола, с которым мы вместе учились, был отличным шахматистом, и его можно было увидеть часто в вечерние часы и воскресными днями в избе-читальне за шахматным столиком. Впоследствии он окончил сельскохозяйственный институт и стал агрономом. Ныне он Герой Социалистического Труда, уважаемый всеми человек.

Класс наш был дружный, и все мои одноклассники стали полезными для общества людьми. Особо хотелось бы отметить Лийну и Лиду Ромм, Яана Тийсмуса, Михкеля и Юллуса Танвслей, Вальтера Вестхольма, Аугуста Пладо, Марню Костин, Майе Танвель, Пянна Чернягина, Эльфриду Вахтер, Аделе Вебер, Юханнесса Танвеля, ну и, конечно, всеобщую нашу любимицу, «заряженную огнем» черноглазую Эрну Маасикас. Она, как в школе, так и повзрослев, являлась заводилой, организатором всех общественных и культурных мероприятий. Обладая прекрасным голосом, Эрна солировала в хоре, принимала участие в работе танцевального ансамбля, драматического кружка, организовывала экскурсии, шефские концерты в соседних селах и т. д.

Но была в нашей дружной школьной семье и «белая ворона» — это сын дьячка из Сулева — фамилию его приводить не буду, чтоб не обидеть его родичей. Так вот его все мы, воспитанные учи-

телями в атеистическом духе, не любили, считали как бы выходцем из иного мира. Парнишка, конечно, был в этом не виноват, но доставало ему от нас изрядно. Конечно же во многом мы были несправедливы. Но что поделаешь — это было выражением нашего тогдашнего, крайне примитивного «классового сознания».

Первый мой учитель Камма умер в 1929 году от рака. Сейчас в Сальме живут его внучка Алливи (Валли) — она жена Константина Тийсмуса, окончила Таллинское медицинское училище — и правнуки Константин и Лида Камма (сейчас Пладо).

Мать Алливи Маргарета Камма — Герой Социалистического Труда.

Мир сельского жителя был в ту пору ограничен — редко когда кто выезжал в Сочи или Гагру — и то на рынок, чтоб продать продукцию своего хозяйства, которую нельзя было реализовать через потребительскую кооперацию. Чаще всего это были скоропортящиеся ягоды и фрукты: черешня, инжир, персики, клубника... Однако мало кто чувствовал эту ограниченность — как-то привыкли.

Не в лучшем положении, конечно, были и мы, мальцы. Из книжек, школьных учебников мы узнавали, что где-то там, далеко, существовали большие города, промышленные предприятия, бескрайние плодородные нивы и степные просторы. Перелистывая в избе-читальне газеты и журналы с карикатурами на толстобрюхих капиталистов в высоких цилиндрах, всевозможных заокеанских вояк, восседавших на жерлах пушек, мы их в душе ненавидели, тем более, что в нашей куцей детской памяти еще сохранились ужасы недавно закончившейся гражданской войны. Однако казалось, что все это где-то там очень, очень далеко от нас — в каком-то недоступном нам мире, столь же отдаленном от нас, как, скажем, луна, солнце, звезды.

Но, приблизившись как-то воскресным днем к избе-читальне, которую мы, как и взрослые, очень полюбили — столько книг, журналов с картинками, всевозможные настольные игры, диаграммы, карты на стенах, пианино в углу, на котором можно было изредка блямкать! — я вдруг услышал истошный вопль своего дружка Яана Тийсмуса: — Москва-а!.. Москва говорит!..

«Как это Москва может говорить здесь, у нас?» — недоумевал я. Но белобрысый Яан продолжал жестикулировать, захлебываясь в потоке слов.

Захожу в помещенне, а там какой-то красивый, поблескивающий полировкой ящик, от которого отходят провода... Александр Тийсмус крутит то одно, то другое «колесико»: ящик скрипит, похрюкивает. Временами издаст какой-то писк.

— Вот ты погляди, послушай!.. — тормозит меня за плечо Яан. — Сейчас начнет говорить.

И действительно, спустя миг ящик заговорил — громко, ясно:

«Внимание, внимание, говорит радиостанция имени Коминтерна. Передаем новости дня...»

— Это и есть Москва-а! — продолжал тормозить меня Яан. — Вот это батарейки, — указывает он мне на расположенную рядом с ящиком картонную коробку. — От них — видишь, провода! — идет электричество в тот большущий присмник («Ага, значит, это приемник!») . . . А тот медный провод — антенна называется — идет наверх и над крышей ловит звуки, идущие из Москвы, — со «знанием дела» поясняет Яан Тийсмус.

Послушав новости и из-за волнения ничего не запомнив, начинаю от восторга, размахивая руками, подпрыгивать вместе с Яаном.

— Погодите, хлопчики . . . растрясете весь прибор, — бросив на нас улыбчивый взгляд, охлаждает наш пыл дядя Яана, Александр Тийсмус.

Повозившись с запутавшимися проводами, идущими от батареек, он поворачивает «колесико» в другую сторону и слышу, уже по-немецки, который мы изучали в школе: «Говорит Вена . . .» — И тут же полилась необычайной красоты нежная музыка.

Мы готовы были сидеть у этого удивительного говорящего ящика, который Яан называл «приемником», весь день и до самого утра, не смыкая ни на минуту глаз, но дядя Александр сказал, что надо беречь «источники питания». И он кивком головы указал на коробку с батарейками. «. . . Включим вечером, когда соберется побольше народу. А пока ступайте, объявите по дворам, что в избе-читальне' установлен радиоприемник, передающий новости и музыку из Москвы и из столиц многих других стран.»

Люди верили и не верили, но все же любопытство брало верх. К вечеру собралось столько народу, что многим приходилось стоять снаружи, возле широко распахнутых окон и дверей.

— Вот видите, что говорят: нужно шире разворачивать кооперирование крестьянских хозяйств, — делились услышанным взрослые мужчины. — «Интересы строительства социализма и обороны страны действительно требуют ликвидации отставания сельского хозяйства, перехода от мелкого частнособственнического крестьянского хозяйства к крупному социалистическому хозяйству», — слушаю дальше доносящиеся из Москвы чьи-то слова.

Мужчины перемигиваются, озабоченно покачивают головами: мол, как-то оно все будет?

Радиоприемник продолжает просвещать присутствующих, сомневающихся, во многом несогласных:

«Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная база, чем для коммунизма . . . дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, организовало общественное, крупное зем-

ледсельское хозяйство». — Так говорил Владимир Ильич Ленин, — поясняет диктор.

— Ну, раз сам Ленин, то уж тут, как говорится, деться некуда, — почесывает за ухом единственной рукой Александер Шнейдер (правую руку ему ампутировали после ранения деникинской пулей).

— Тебе, одирукому, ясно, за счет других в рай попасть охота, — усмехается сын мельника Освальд Танвель.

— Да нас это дело не скоро коснется. Вот перейдем в Грузию — постановление уж, говорят, подписано, — а там все по-иному будет... отсрочат... — с надеждой замечает Фридрих Бенке.

Спор разгорался чуть ли не каждый вечер. Но ветры обновления все более охватывали умы батраков, бедноты и части середняков.

ДУМЫ И СОМНЕНИЯ

Дядя мой Юлиус Мейбаум слыл «большим плотником». Он, наладив свое хозяйство, поднявшись на уровень крепкого середняка, солидную часть получаемого дохода тратил на приобретение художественной, естественно-научной, в том числе и сельскохозяйственной литературы, а также журналов и газет. Помню, были у нас в доме «Известия», «Правда», «Эдази» («Вперед»), «Сибери теата» («Вестник Сибири»), журнал «Вокруг света» с литературными приложениями и другие издания.

Во дворе нашего уютного дома, окруженного пальмами, магнолиями, розами, лавром, кипарисами и другими декоративными растениями, которые дядя очень любил и лично выхаживал, вечерами и в воскресные дни собирались ближайшие соседи, и он их просвещал, пересказывал то, что вычитал в газетах и журналах, сопровождая нередко все это собственными комментариями.

Сам дядя не был сторонником коллективного хозяйствования, любил до всего добираться своим умом и не терпел, чтобы кто-нибудь им командовал («стоял над душой», как он говорил). Работал он неустово — от зари до зари. Жену он жалел и на полевые работы никогда не звал — делал все сам. Немного, в меру своих неокрепших сил, помогал ему мой брат Николай, бывший старше меня на семь лет, а в период школьных каникул (в то время я уже учился в Ермоловской школе крестьянской молодежи-семилетке и как сирота получал стипендию, жил в интернате) — и я.

Дядя постоянно находился в творческих поисках. Вычитает что-нибудь новое в газете или сельскохозяйственном журнале, тут же

применит у себя, проверит на личном опыте. Семена капусты, помидоров, бахчевых и других культур он выписывал у известных семеноводов — например А. Лукашевича. Много внимания он уделял посевам люцерны клевера, гороха, обогащавших почву азотистыми удобрениями, а также органике. В период моей учебы в ШКМ — так сокращенно именовалась Школа крестьянской молодежи — он нередко обращался ко мне за советом, т. к. школа эта была с сельскохозяйственным уклоном и преподавал у нас ученый агроном, это льстило мне. Я научил своего дядю компостировать с навозом все то, что раньше выбрасывалось или сжигалось, — картофельную ботву, непригодные для кормления скота сорные травы, опавшие листья, перезревшие стебли кукурузы, стерневые остатки. Он остался очень доволен и сказал: теория одно, а практика другое. Но когда урожайность полей спустя год-полтора заметно повысилась, он похвалил меня, выделил грядку длиной метров в 150.

— Можешь посадить капустную рассаду — к осени будут свои карманные деньги. Заодно проверишь свои знания на деле.

«Ну уж лицом в грязь не ударю», — подумал посоревноваться с дядей, который также решил занять соседнюю делянку под капусту сорта «Слава».

Лето было жаркое, сухое. Капустную рассаду сажали с поливом — воду подвозили из реки бочкой. Выхожу рано утречком на следующий день поглядеть, как там моя капусточка, а она вся завяла, листья сморщились, пожелтели. Ну, думаю, все: первый блин комом. Дядина капуста в том же положении.

Что делать? Беру лейку и скачу к роднику в ближайшем дворе. Расстояние немалое — метров 400. Понимаю, что поливать с утра, когда предстоит жаркий солнечный день, нельзя — все окончательно сгорит. «А что, если посыпать влажные участки после полива сухой землей?» Так и сделал. На все поле, включая дядин участок, у меня, конечно, сил не хватило, но все же одну его соседнюю грядку я обработал таким же путем — чтоб не посчитал неблагодарным эгоистом.

Уже спустя полчаса растения стали выпрямляться. Радости моей не было предела!

Под вечер дядя запряг телегу с бочкой.

— Давай, поехали поливать капусту, — сказал он мне.

Спустились по разухабистой, с множеством рытвин неухоженной сельской дороге вниз, к реке, набрали воды — и дальше.

Зрение у дяди хорошее, и он еще издали заметил, что дела на делянке неладные.

— Так и знал, — огорчился он. — Такая чертова жарщица! . .

Но спустя миг заулыбался: — А ты, оказывается, не такой проstack, как я думал . . . Молодцом, ничего не скажу. Преподавал урок

старому дураку (дяде шел в ту пору 37-й год!). Придется пересадить. Жаль, рассада хороша пропала.

Соседи конечно же с пристрастием обсуждали, какие дяде Юлиусу выпадают удачи: отменные урожаи, кобылка Мира принесла сразу же двух жеребят — от деникинского «аристократа»; чутье на удачный рыночный день, когда можно продать подороже, купить подешевле... Даже дожди по каким-то местным приметам предсказывал.

Никакого здесь чуда не было — просто дядя был человеком очень наблюдательным, тщательно изучал характерные приметы погоды, старался произвести посевы огородных и других культур чуть раньше или же позже других.

И тем не менее к обогащению или надопительству он не стремился.

— Живем один раз в этом мире, — говаривал он, — нужно лучше питаться, съездить куда, на свет посмотреть, да и двор свой, дом получше принарядить, чтоб не скучалось, веселее жилось.

Я часто присутствовал при разговорах старших, когда, собравшись на нашем дворе, соседи или просто случайно забредшие вели жаркие диспуты.

Александр Шнейдер, который до сих пор жил в хатке с утрамбованным земляным полом, горячо ратовал за коллективные хозяйства, зажиточный же крестьянин Йоосеп Вестхольм ему возражал:

— Таким как ты, ясно, выгода, а нам что с Юлиусом или другими, кто своим потом, лишениями, бессонными ночами в конце концов достиг того, чтобы безбедно, с человеческим достоинством жить? Все отдай кому-то: лошадей, коров, ухоженные сады, сельхозинвентарь...

— Даже козу, гусей и кур не имеешь права завести, — подливал масла в огонь Фридрих Бенке. — Правда, насчет кошек и собак ничего не толкуют, но вот вопрос: чем их кормить?

— Ты, Фридрих, пытаешься все довести до абсурда, — возражал Антон Шукстов, теперь уже член партии. — Допустим, что тебе в нынешних условиях действительно живется хорошо. Тут говорилось насчет пота и прочего, но ведь пот-то проливают в ваших хозяйствах наемные работники, бездомные батраки. Пусть даже не постоянно, а во время самых горячих сезонных работ, как, к примеру, у меня или же у Вестхольма... да и Юлиус иной раз на сортировку табака и строительство людей со стороны приглашает. Так скажи, мил-человек, разве им не хочется жить так же, как и тебе, всем нам, хозяевам? Разве не за это они и все мы боролись в партизанском отряде, отбиваясь от деникинцев? И разве не в этом весь смысл установленной в 1917 году Советской власти?

— А вот ты спроси меня, как я буду чувствовать, когда меня, словно раба, будут каждое утро, чуть свет, выгонять на работу? — не успокаивался Бенке. — Да вопрос еще — кто? Может слу-

читься, что командовать станет мой или ваш бывший батрак. Нынче как: сегодня я работаю от зари до зари, а завтра, коль нет срочного дела, отдыхаю, занимаюсь тем, что мне любо, ну, к примеру, столярным делом — люблю мастерить всевозможные приспособления для дома, игрушки для ребятни . . . Потом же, вам это всем известно, я атлет, чемпион района по классической борьбе, мне необходимы силы, да и время для тренировок.

Слушая его, я невольно любовался могучим торсом, выпирающими из-под рубашки мускулами. Впрочем, я не раз видел его и в деле. Не проходило ни одного праздника без участия Бенке. Настелят на дворе возле клуба самодельный борцовский мат, и Бенке, скинув с себя рубашку, брюки, поиграв с двухпудовыми гириями, гордо вскидывает руку: «Ну, кто пожелает померяться силами? Или уж вовсе тут, среди вас, не найдется настоящего мужчины?»

После некоторых колебаний выходит заведующий клубом и избой-читальней Адассон. Он молод, статен, владеет приемами классической борьбы, но сравниться силой с гигантом Бенке он, конечно, не может. И тем не менее решается. Сам факт, что он не побоялся, вышел на ковер против самого Бенке, который не раз одолевал приезжавших с бродячим цирком профессиональных борцов, возвышал его в глазах представителей прекрасного пола — впрочем, от женщин и без того у него отбою не было. Голубоглазый красавец, всегда со вкусом, «по-столичному» одетый, взволновал немало сельских красавиц.

Попробовали выходить и другие, Юлиус, к примеру, но невзирая на недюжинную силу, Голиаф — прозвище Бенке — разделялся с храбрецами за считанные секунды. Случалось, что кто-либо из смельчаков даже ребра не досчитывался — столь неожиданно и могуч бывал бросок через плечо.

— Все это так, да не так, — продолжал Шукстов. — К руководству участками, группами или бригадами, пазови как хочешь, будут выдвигаться нами самими же наиболее способные, знающие люди. Вот такие, к примеру, как Юлиус.

— Нет-нет . . . я сам за себя, — отмахивался Юлиус. — На фронте, и то не решался. Ротный собрался было выдвинуть меня на должность помощника командира отделения, а я ни в какую — уперся, и все тут. Выручил взводный: мол, он отличный снайпер — сколько их уж германцев положил . . .

— Знаем. Сами видели во время партизанских боев, — усмехнулся Шукстов. — Да и чего, собственно говоря, нам особо волноваться. На днях перейдем в административное подчинение Абхазии — это уж окончательно решено. А раз так, сроки коллективизации автоматически отодвигаются на два-три года. Останется достаточно времени подумать, помозговать, что да как. Насильно, за уши, никого в кооперативы тянуть не будут. На XV съезде партии что говорилось? Переход на колхозный путь должен происхо-

дять непременно при добровольном согласии самих трудящихся крестьян. Другое дело — агитация, разъяснительная работа. А то брешут черт-те что! Читали в «Эдази» про 70-метровое одеяло, обобществление жжен и тому подобное? Это враги, озлобленные сельские куркули распускают подобные вредные слухи. Кстати, насчет их уже принимаются меры — будут раскулачивать, выселять в отдаленные края.

— М-м . . . тогда я — первым в колхоз, — саркастически усмехнулся Бенке. — Там уж, надо думать, не тронут.

* *
*

Однако те, кто рассчитывал, что с присоединением сел и поселков бывшей нейтральной зоны к Абхазии вопрос о коллективизации хозяйств отодвинется на 2—3 года, глубоко ошиблись.

В сентябре 1929 года ЦК ВКП(б) Грузии заслушал отчет партийных органов Абхазии по вопросу социалистического переустройства сельского хозяйства и обязал усилить работу в этом направлении. Если по состоянию на февраль 1929 года в Абхазской АССР насчитывалось 14 колхозов, то к первому декабря того же года число их возросло до 129.

В Сальме к этому времени уже существовали бедняцкие группы: в Потребительском кооперативе — 5 человек, в Сельскохозяйственном кредитном товариществе — 25 человек, а также при Сельсовете (точное число установить не удалось)¹.

Руководила этими группами Пиленковская партиячейка, в состав которой входили также партийцы-эстонцы. Заметную роль в партийной, комсомольской работе, а также в руководстве деятельностью кооперативов местных Советов, бедняцких групп сыграл Ханс Северин, родом из Вильянди, член партии с 1919 года. В 1925 году, после демобилизации из Красной Армии, его направили на работу в партийную организацию Сочинского района, по рекомендации которой он в апреле того же года был избран секретарем Пиленковской партиячейки. Своей энергией, чутким отношением к людям, партийной принципиальностью он завоевал большой авторитет среди поселян — в первую очередь среди бедняков, батраков, наиболее сознательной части среднего крестьянства. Кулаки и многие зажиточные крестьяне, конечно, его ненавидели и не раз грозили расправой, «если будет настраивать одну часть сельских жителей против других».

Большую работу по разъяснению политики партии и правительства по колхозному строительству проводил молодой коммунист, участник революционных выступлений в 1905 году в Сочи, Яан

¹ *Лембит Выйме*. Путь в новую жизнь. Таллин, 1980.

Лоссман. Он, собирая крестьян возле своего дома, знакомил их с ленинским кооперативным планом, решениями партийных съездов и конференций по социалистическому переустройству деревни.

Присутствующие одобительно кивали головами, но когда речь заходила конкретно о них, особого восторга не высказывали.

«Нынешняя жизнь, конечно, нелегкая, но и новая жизнь пока что неясная. В этом деле немалый риск. Запутаемся и, быть может, станет еще тяжелее, чем сейчас. Лучше б обождать. Время работает на нас, подождем, поглядим — сама жизнь покажет, что лучше...»

Кулаки и многие зажиточные крестьяне повели открытую борьбу против коллективизации.

И все же батраки и беднота поддерживали Лоссмана:

— Нам терять нечего. Вступим, покажем пример. А власти нам помогут ссудами, сельхозинвентарем, тяглом, семенами. Главное — отобрать у наших богачей часть хороших, удобных для обработки земель.

По их требованию 1 октября 1929 года этот вопрос обсуждался на заседании президиума Сальменского сельсовета. В принятом решении говорилось о необходимости активизации разъяснительной работы по организации в селе коллективного хозяйства, предлагалось обсудить этот вопрос на собрании бедняцких групп, затем провести общее собрание жителей села.

Однако на созванном 4 октября того же года общем собрании поселян верх взяли кулацкие доводы: мол, «сальменцы еще не созрели для этого»¹.

Но партийная ячейка, комсомольская организация продолжали проводить среди крестьян активную разъяснительную работу, призывали сельскую молодежь занять более решительную позицию в вопросе социалистического переустройства села.

Жизнь показывала преимущества кооперирования во всех сферах хозяйственной жизни села. Объем осуществляемого Сальменским сельскохозяйственным кредитным товариществом контрактиции сельскохозяйственной продукции значительно возрос в связи с окончанием строительства фабрики для консервирования чернослива. А несколько позже была построена фабрика по извлечению эфирного масла из эфирноносной герани. Продукция эта экспортировалась за границу и являлась источником валюты для нашей страны (1 кг этого масла, как мне объяснили, оценивался в 3 тысячи золотых рублей!). Вот что значила инициатива сельских кооператоров! Это своего рода прообраз нынешней агропромышленной кооперации. Крестьяне охотно разводили эфирноносную культуру — ухода почти никакого: посеял весной, а к концу лета коси

¹ *Лембит Выйме*. Путь в новую жизнь. Таллин, 1980.

косилкой похожие на коноплю, в рост человека, растения и отвози на фабрику.

Жаль, что в связи с ликвидацией в 1930 году Сальменского сельскохозяйственного кредитного товарищества фабрики эти были закрыты и оборудование демонтировано. Печальный конец полезного начинания!

ТРУДНЫЕ ПЕРВЫЕ ШАГИ

Прибыв на зимние каникулы, к своему великому удивлению, я узнал, что дядя Юлиус решил вступить в колхоз. А ведь до этого он яростно сопротивлялся всем уговорам сельских активистов, говоря, что не по его характеру вся эта затея.

— Да вот пригрозили, — объяснила мне бабушка Мари. — Сказали . . . впуск мой Рууди . . . Он ведь секретарствует в комсомоле . . .

— Что сказали? — допытывался я.

— А-ах! . . . Надо ли тебе все это знать? — отмахнулась бабушка. — Все одно уж ничего не поправишь. Вон, кто против, выселяют, бог знает, в какие дальние края.

Уже много позже, в 1963 году, я узнал от вдовы Юлиуса Хульды, что вынудило дядю принять столь быстрое решение. Да и не только его.

— Зашел, — говорит она, — к нам Рууди (это тот самый мой двоюродный брат, про которого говорила бабушка) и шепотом говорит Юлиусу: «Вопрос стоит так: либо колхоз, либо — котомка с посохом . . . Всех противников будут выселять . . .»

Да, немало было в ту пору всевозможных перегибов. В этой связи 14 марта 1930 года Центральный Комитет партии принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». А еще ранее, 2 марта 1930 года, была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», которая разъясняла политику партии в колхозном строительстве и ориентировала партийные кадры на исправление ошибок в колхозном движении, на закрепление успехов коллективизации.

В село приехал сам председатель ЦИК Абхазии, прославленный организатор партизанской борьбы в период гражданской войны Нестор Лакоба. Многие бывшие партизаны на селе знали его лично и относились к нему с большим уважением и доверием.

Клуб был битком набит народом. Всем не терпелось узнать, какие новости принес знатный гость.

А тот, невысокого роста, седеющий, в простой солдатской шинели, не спеша поднялся на трибуну. Оглядев всех, по-доброму улыбнувшись, произнес:

— Знаю, чувствую, что вас волнует. До меня дошли письма некоторых ваших товарищей, жалующихся, что их угрозами при-

нудили вступить в колхоз. Если это так, то мы этих горе-агитаторов накажем . . . Вы, конечно, уже ознакомились с документами партии по этому вопросу, где речь идет об искривлениях партийной линии в колхозном строительстве. Имеется немало подобных досадных фактов и в других селах Абхазии. Вместо того, чтобы терпеливо, настойчиво вести разъяснительную работу среди крестьян о преимуществах колхозного строя, эти горе-агитаторы прибегают к мерам администрирования. И мы этого не потерпим . . .

Далее говорилось о положении дел с коллективизацией в Абхазии, Грузии, в стране в целом, о мерах по материальной поддержке колхозов, об обеспечении их сельхозмашинами, инвентарем, семенами.

— Я предвижу, что после сегодняшнего моего выступления и оглашения партийных документов часть из вас покинет артель. Но хотелось бы, чтобы таких людей было как можно меньше, тем более, что, как мне докладывал ваш председатель, коммунист Ян Лосман, дела у вас идут неплохо. Успешно закончен весенний сев, посажен картофель, заложено несколько гектаров молодых садов и виноградников, колхозу выделена значительная ссуда на строительство общественных помещений — ферм, конюшен и тому подобное, — мастеров для ремонта сельхозтехники, инвентаря. В ближайшие месяцы выделим вам первый трактор, поставим вопрос об электрификации села . . .

В заде началось оживление, посыпались вопросы: как быть с дворовыми участками? Разрешат ли и в каком размере содержать личный скот, птицу? Как планируется оплата труда колхозников — всем поровну или учтут, как кто работает? Будут ли взимать с колхозников налоги и какие? Куда девать колхозную продукцию — сполна сдавать государству или же можно реализовать часть ее на рынке? Могут ли колхозники выполнять те или иные подсобные работы — кузнечные, строительные и иные, — чтоб хоть малость подзаработать, покуда выяснится, что да как? . . .

— Что я могу ответить на все это? — развел руками Нестор Лакоба. — Многого мы и сами пока что еще не знаем — опыт покажет, и многое зависит от вас самих, от вашего решения. Ведь вы же полные хозяева артели. Да-да, именно эта сторона — главное. Подчеркиваю еще раз: вы, сами колхозники, должны решать совместно все ваши хозяйственные проблемы. Со временем же весь положительный опыт будет учтен и отражен в примерном Уставе сельхозартели.

После выступления Лакобы многие колхозники обрели уверенность, поняли лживость кулацкой пропаганды, твердившей: теперь мы «слуги господина-государства».

И все же значительное число середняков решило покинуть колхоз: мол, поглядим, посмотрим, как это у вас на деле получится, а там решим. В числе последних был и Юлнус Мейбаум.

В селе Сулев коллективизация, начавшаяся по инициативе комсомольцев в ноябре—декабре 1929 года, проходила в условиях сильного противодействия зажиточных крестьян и кулацких элементов, проводивших свою агитацию против колхозов и в открытую и в завуалированном виде: мол, в Сулеве нельзя никак организовать коллективное хозяйство из-за разбросанности земель, пригодных для совместной обработки, «в коллективе начнется снова рабство, всех людей превратят в нищих, заставят спать под общим 70-метровым одеялом» и т. д.

В итоге среднее крестьянство воздержалось от вступления в колхоз, а беднота не владела достаточными материальными ресурсами для ведения совместного высокопродуктивного хозяйства. К тому же многие были распропагандированы враждебными элементами; в колхоз записались лишь батраки да с десяток владельцев бедняцких хозяйств.

Чем же объяснить столь сильную оппозицию кулачества и зажиточного крестьянства в Сулеве? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним особенности структуры сельскохозяйственного производства в Сальме и Сулеве.

Если сальменцы, располагая удобными для обработки припойменными землями, специализировались в основном на овощеводстве и выращивании зерновых культур, цены на которые были сравнительно невысоки, то сулевцы основной упор делали на высокодоходные отрасли — садоводство, животноводство, пчеловодство, выращивание табака. По данным исследований Л. Выйме¹, в 1927—1928 гг. зажиточных крестьян, имевших фруктовые сады в размере от одной до двух и более десятин, числилось в Сулеве около 28 процентов.

Если сюда приплюсовать тех, кто специализировался на молочном животноводстве, пчеловодстве и табаководстве, то этот процент будет еще выше. Отсюда крайне негативное отношение зажиточных крестьян и части середняков к колхозному движению в этом селе.

Сулевский колхоз долго оставался экономически слабым. Кулацкие элементы и их пособники всячески вредили, разлагали трудовую дисциплину в колхозе, относились к работе спустя рукава в надежде доказать свою «правду». В ход шли сплетни, анонимки, всевозможные досужие вымыслы. Стоило появиться толковому председателю колхоза, как против него тут же начинали плести интриги. В итоге за сравнительно короткий срок в сулевском колхозе им. Кингисеппа сменились шесть председателей. Ими были:

¹ Лембит Выйме. Путь в новую жизнь. Таллин, 1980.

Иоханнес Тиккор, Иоханнес Юхансон, Альфред Пладо, Василий Пунцев, Н. Сулава, Платон Джалагония.

Причинами организационной и экономической слабости этого хозяйства явились также малочисленная партийная прослойка среди колхозников и преобладание ручного труда, так как лесистогорный рельеф местности не позволял применять широко механизацию в отраслях колхозного производства.

* *
*

Да и в сальменском колхозе дела на первых порах не ладилась — не было надлежащей материальной базы, опыта ведения общественного хозяйства; трудовая дисциплина оставляла желать лучшего. Находились и такие, кто считал, что, мол, у себя, в индивидуальном хозяйстве, «растянули все жилы» и теперь можно малость отдохнуть.

«Не нужно скрывать, — вспоминает первый председатель колхоза Яан Лоссман, — на первых порах было нелегко. Лошадей мало, сельхозинвентаря не хватало. Да и опыта организации коллективной работы не было»¹.

Втихаря вели подрывную работу и многие вступившие в колхоз зажиточные крестьяне, боясь раскулачивания. Ведь сами-то они работать не привыкли — все их прежнее благополучие держалось на труде батраков.

Создание новой общественной дисциплины труда и глубокой заинтересованности в повышении эффективности общественного производства у колхозников не выходило из поля зрения партии. Практика колхозного строительства выдвинула совершенно новую форму учета общественного труда в колхозах — трудодень с применением сдельщины.

В связи с этим июньский пленум ЦК ВКП(б) 1931 года рекомендовал колхозам организовать все работы именно на этом принципе.

Следующим шагом в улучшении организации труда в колхозах явилось создание производственных бригад с постоянным составом колхозников.

В 1932 году партия и правительство приняли решение о развертывании колхозной торговли. Были сокращены обязательные поставки хлеба и другой продукции колхозами; излишки их разрешалось реализовывать на рынке.

Благодаря всем этим мерам дела в колхозе «Сальме» заметно улучшились. Но многое зависело и от квалификации, организаторских способностей колхозного руководителя. Наиболее подготовленным в этом отношении был Ханс Северин, четвертый по счету

¹ Т. Томберг. Эстонский колхоз у Черного моря. Таллин, 1948.

председатель колхоза, работавший до этого секретарем Пиленковской партиячейки. Но о нем мы поговорим подробнее несколько позже.

Большим тормозом в деле налаживания эффективного общественного производства на первых порах явилась также психология крестьянина-единоличника, привыкшего работать по принципу «каждый сам по себе».

Коммунисты и комсомольцы вели большую воспитательную работу среди колхозников в этом направлении. Тут и сатирические листки, и выступления «синезблужников», и политбеседы, и показ документальных фильмов о первых успехах передовых колхозов Крыма и Кубани...

Налаживался также более четкий учет количества и качества выполняемых каждым колхозником работ. По инициативе комсомольской ячейки при клубе была организована политшкола для молодежи. Здесь часто выступали с беседами инструкторы райкома партии.

Вспоминается, каким событием стало для колхозников прибытие в село первого трактора «фордзон-путиловец». У клуба, куда фыркая прикатил «стальной конь», собралось все население села — от мала до велика.

Сколько было «охов» да «ахов»! Но особый восторг охватил всех присутствующих, когда за руль трактора сел сын старого Марта Кренстрема Юханнес и машина, громяхая тяжелыми железными колесами, сделала круг по клубному парку.

Спустя день или два трактор уже вовсю пыхтел на полях, с удивительной легкостью переворачивал лемехами трехкорпусного плуга тяжелые суглинистые пласты залежной земли.

Вот это да-а! С таким конем нам сам черт не страшен, — радовался старейшина села Март Кренстрем, батрачивший некогда, в давние времена, у прибалтийского барона Стейнбока в Куусалуском приходе Харьюмааского уезда Эстонии.

Положение с сельхозработами еще более улучшилось, когда поблизости была организована машинно-тракторная станция, взявшая на себя все тяжелые полевые и транспортные работы.

Крестьяне-колхозники, видя, как заметно облегчается их труд — не нужно больше гнуть спину за конным плугом или культиватором, — все более убеждались в преимуществах высокомеханизированного коллективного труда.

Важное значение для повышения активности крестьян в строительстве колхозной жизни имел проходивший в феврале 1933 года Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников, где партия выдвинула лозунг — сделать все колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными.

Но все же большинство колхозов в нашей стране, в том числе и наш сальменский и сулевский, были мелкими и не имели достаточ-

ных основных фондов, могущих обеспечить их более быстрое экономическое развитие. На это обратил внимание XVII съезд нашей партии.

Главным в деятельности партии стали организация колхозного производства, его индустриализация, воспитание колхозников в духе сознательного отношения к труду и социалистической собственности.

В. И. Ленин важнейшим средством переделки психологии крестьян считал перевооружение сельского хозяйства на основе механизации и электрификации.

«Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, — говорил он, — оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе»¹.

А в сальменском и в сулевском колхозах не хватало еще и образованных людей, тем более с агрономической подготовкой. Знания и опыт индивидуальных крестьянских хозяйств оказался недостаточным. По этой причине, а также из-за всевозможных заболеваний сельскохозяйственных культур, засоренности посевов урожайность полей была низкой. К тому же годы выдались засушливые. В итоге, после расчетов с государством и МТС, в колхозной кассе оставались считанные копейки. Чтобы хоть как-то поддерживать колхозников, приходилось вновь брать ссуды.

Некоторые колхозники не выдерживали, переходили на работу в окрестные совхозы, МТС и другие организации.

— Вот видишь, что из этой затеи вышло! — как-то, когда я прибыл на каникулы (в то время я учился в Ленинградском эстонско-финском педагогическом техникуме), воскликнул дядя Юлиус. — Не свое — не свое и есть, не лежит близко к сердцу... А я хоть и без этих тракторов и прочих хитрых механизмов, а урожай приличные собираю. Хотели задушить меня налогами, а ничего не вышло — за все вовремя, в положенные сроки рассчитался.

Я, как умел, возражал дяде: вот, мол, придут ученые-агрономы, выделят побольше минеральных удобрений, ядохимикатов — и дело наладится.

— Может, так и будет, — видимо, не желая обидеть «ученого мужа», продолжал уже в более миролюбивом тоне дядя, — но вот вопрос: когда это будет, сколько еще ждать людям «манны с неба»?

Было, конечно, обидно слышать такие слова, тем более, что я числился членом колхоза и каждое лето вносил свой трудовой вклад в колхозное производство.

Председатели колхоза менялись один за другим, но дела суще-

¹ Ленин В. И. Собр. соч., т. 32, с. 194.

ственно не поправлялись. И лишь тогда, когда наконец колхоз «Сальме» получил своего ученого агронома, Вамболу Янеса и хозяйство возглавил рачительный и опытный хозяйственник, коммунист с большим партийным стажем Ханс Северин, дела пошли на заметный подъем.

НА ПОДЪЕМЕ

Исключительно важное значение в улучшении материально-технического оснащения колхозов, в повышении уровня политмассовой работы среди колхозников, укреплении организационно-хозяйственной работы во всех звеньях колхозного производства имело постановление январского пленума ЦК ВКП(б) 1933 года об организации политотделов при МТС и совхозах.

Была завершена перестройка сельских партийных организаций по производственному принципу. В результате этого колхозные партийные организации становились подлинными организаторами колхозного производства.

Политотделы сплачивали беспартийный колхозный актив. В Сальме такими активистами были передовые производственники Мария Шсер, Маргарета Камма, Хельми Тийсмус, Хелене Томберг, Ида Мейбаум, Артур Киви, Арнольд Чернягин, Вольдемар Ромм, Якоб и Нетта Кеввай и другие. Они не только словом, но и личным трудом, выполняя производственные нормы на 250—300 процентов, призывали следовать всех колхозников своему примеру.

Многие труженики все активнее стали проявлять личную инициативу. Так, вступивший в 1935 году в колхоз единоличник Аракел Шахламджап, армянин по национальности, хорошо знакомый с выращиванием табака, предложил внедрить в колхозное производство эту высокодоходную культуру. Председатель колхоза согласился с ним, и уже на следующий год доход колхоза значительно возрос, что позволило перейти к электрификации хозяйства.

Были изжиты также недоразумения между колхозами и МТС при взаиморасчетах по натуроплате. Политотделы осуществляли строгий контроль за работой и жизнью МТС, за качеством выполняемых ею работ в колхозах, разоблачали и пресекали махинации врагов колхозного строя, очистив хозяйства от пробравшихся в них кулаков и других враждебных элементов.

Немаловажное значение имела подготовка квалифицированных колхозных кадров — бригадиров, полеводов, животноводов, счетных работников. Этим также занимались политотделы.

В колхоз «Сальме» вернулись после окончания институтов агроном Вамбола Янес, зоотехник Антон Иоосинг, врач Ада Киви. Продолжали учебу обе дочери Якоба Вахтера — Эльфриде в пед-

институте г. Сухуми, Эрмильде — в медицинском училище. Дочь Хелены Вурман Фея готовилась стать зубным врачом и тоже собиралась по окончании учебы вернуться на работу в родной колхоз.

Колхозные бригадиры, звеньевые, механизаторы проходили краткосрочные курсы в райцентре Гагра.

Хорошо сработались колхозный агроном, отличный специалист Вамбола Янес и новый председатель колхоза коммунист Ханс Северин. Устанавливались научно обоснованные севообороты полей, внедрялась передовая агротехника возделывания сельскохозяйственных культур. Шире стали применяться органические и минеральные удобрения, ядохимикаты по борьбе с вредителями и грибковыми заболеваниями посевов, а также садов и виноградников, которых становилось с каждым годом больше и которые приносили немалый доход.

По инициативе агронома в колхозе были заложены посадки цитрусовых и элитносортного столового винограда, который прежде здесь не разводился. Ну, а о высокоурожайных сортах черешни, персиков, хурмы, сливы, яблук, инжира, ореха-фундука и говорить нечего.

Вамбола Янес с раннего утра и до позднего вечера, загорелый, с остро выступающими скулами на волевом лице, торопился из одной бригады в другую, обучал звеньевых, рядовых колхозников передовой агротехнике, подмечал их ошибки, недоработки и с помощью председателя колхоза, бригадиров, зоотехников и других специалистов добивался устранения недостатков. А тех, кто не прислушивался, ленился, наказывали, снимали часть начисленных трудодней. Инициативных, добросовестных же работников, наоборот, всячески поощряли, начисляли им дополнительные трудодни за высокое качество и хорошие конечные результаты работы. Эти меры подтягивали трудовую дисциплину, приучали людей подходить к делу с большой ответственностью, по-хозяйски.

Было закончено строительство образцовой молочно-товарной фермы с силосной башней, а также ряда мастерских.

Аракел Шахлалджан обучил колхозниц Амалию Шнейдер и Алису Арман уходу за табачными плантациями, ввел их во все секреты и тонкости возделывания этой капризной культуры. Женщины работали с увлечением, выполняя строго все наставления главного табаководы. И результаты не замедлили сказаться: к осени был получен урожай первосортного табачного листа, вдвое превышавший плановый.

Значительный доход давали также пчелиное хозяйство, огородные культуры, молочно-товарная ферма, фрукты, особенно сушеный чернослив. Причем урожайность полей и садов значительно превышала уровень, достигнутый в индивидуальных хозяйствах.

— Ну, как? — спросил я однажды дядю. — Сыплется «манна небесная?»

— Сыплется-то сыплется, но и я ненамного отстаю, — последовал ответ.

— Не собираешься вступать?

— Что ж, вижу: дело неплохое... Да только как-то совестно приходиться на готовое. К тому же, здоровье свое изрядно надорвал — сердце пошаливает... Всего лишь сорок семь, а гляди, на кого я похож? Был бы в хозяйстве помощник, а то все один да один — бревна, пятипудовые мешки ворочаешь...

Грустно было смотреть на рано постаревшего в хозяйских хлопотах дядю Юлиуса, на одышку его при малейшей физической нагрузке. Умер он в «местах, не столь отдаленных» в 1938 году от острой сердечной недостаточности. Так закончилась жизнь близкого мне человека, упорно хватавшегося за соломинку, не понявшего хода истории.

Большое значение в деле укрепления колхозного строя имел состоявшийся в феврале 1935 года Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников, на котором был принят новый устав сельскохозяйственной артели, обобщавший накопленный опыт ведения крупного сельскохозяйственного производства, пожелания колхозников.

Делегатом на упомянутом съезде от колхозников села Сальме была передовая работница Алисе Милендер. Все сельчане гордились, что и она от их имени принимала участие в голосовании за принятие этого основного закона колхозной жизни. Сколько было расспросов: как там столица наша, Москва? Была ли Алисе в мавзолее Владимира Ильича Ленина? Кого из членов правительства и партии видела? Разговаривала ли с кем-нибудь из них?.. Был и такой наивный вопрос: а знают ли там про наши колхозные успехи? Ну и конечно же не были забыты интересы женской половины: как там одеваются москвички? Какие прически носят?..

Председатель колхоза созвал специальное собрание, на котором А. Милендер выступила с подробным докладом, ознакомила присутствующих с содержанием нового колхозного устава.

— Теперь земля, которую мы обрабатываем, — говорила она, — закрепляется за нами на вечное пользование. Никто, кроме нас самих, не имеет права распоряжаться ею. В нашем колхозе таких земель 852 гектара...

В зале раздалась бурные аплодисменты.

— Устав определяет четко то, что касается ведения личного подсобного хозяйства. По этому вопросу у всех у нас до сих пор было немало неясности, кривотолков. Теперь же четко определены допустимые размеры личных участков, правила пользования ими.

Новый устав предусматривал также дальнейшее развитие колхозной демократии, инициативы масс.

С большим энтузиазмом трудились члены колхоза «Сальме». Заметно улучшилось положение дел в сулевском колхозе им. Кин-

гисеппа. Урожайность всех культур и садов росла из года в год. Чернослива, к примеру, собирали по 300 тонн с гектара, табачного листа — 18 центнеров вместо семи по плану, меду — по 15 килограммов с улья вместо 10 кг по плану, надои молока превышали 3 тысячи литров от каждой коровы (прежде — около 2 тысяч). Значительно возросли урожаи овощей, бахчевых, картофеля и других культур.

Колхозники зарабатывали на трудодень около 25 рублей деньгами, много зерна, хлопка, овощей и картофеля, меда, виноградного вина и других сельхозпродуктов.

Многие колхозники приобретали мотоциклы и велосипеды. В домах появились радиоприемники, музыкальные инструменты, новая удобная и красивая мебель. В сальменском колхозе открылись амбулатория, семилетняя школа, детский сад; началось строительство нового клуба, гидроэлектростанции на реке Псоу. Передовое хозяйство было названо колхозом им И. Сталина.

Вскоре школа-семилетка была открыта и в Сулеве.

Люди, почувствовав, что они сами являются хозяевами своего материального благополучия, работали с большим энтузиазмом — дневные нормы работ выполнялись нередко на 300—400%.

За получение высоких урожаев табака Алисе Арман и Маргарета Камма были приглашены в 1939 году в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, где они удостоились почетных дипломов.

В 1940 году годовой доход сальменского колхоза превысил полтора миллиона рублей.

— Теперь и мы миллионеры! — восклицал старый колхозный механизатор Март Кренстрем. — Кто бы мог подумать — бывшие батраки и арендаторы — и вдруг миллионеры!

* * *

Сейчас самая пора поговорить о тех, чьими усилиями сальменский колхоз за сравнительно короткий, десятилетний, срок достиг таких впечатляющих результатов, стал твердо на ноги.

Первого председателя, коммуниста Яна Лоссмана, мы уже упоминали. Ему как первооткрывателю конечно же было труднее всех: ни опыта руководства таким крупным хозяйством, ни материальных и денежных средств, необходимых для налаживания нормальной хозяйственной деятельности. Не было ни скотных дворов, ни конефермы, ни мастерских для ремонта техники, не говоря уж о тракторах, автотранспорте, локомотивах для молотьбы хлебов... Даже правление сельхозартели пришлось разместить в тесных комнатухах дома председателя колхоза. Но и то, что он сумел сделать на первых порах неустроенной колхозной жизни, заслуживает самой высокой благодарности сельчан.

Спустя год Лоссмана заменил на посту активный участник партизанской борьбы в период деникинщины, коммунист Антон Шукстов, работавший до этого председателем Сальменского сельсовета. Благодаря его усилиям, организаторским способностям с 1931 по 1935 год колхоз постепенно набирает силы, из должника превращается в одно из доходных коллективных хозяйств Абхазии.

Конечно, не всем нравились его высокая требовательность, партийная принципиальность, непримиримость к лодырям и тунеядцам. На него начали писать всевозможные анонимки. В народе говорится: кидай грязь, авось что-нибудь да пристанет. В конце концов «механизм» сработал, и преданный своей родине, партии человек был в 1935 году незаконно арестован.

Затем в течение года правление колхоза возглавляла энергичная и образованная молодая женщина Матильде Блок.

В 1937 году ее избрали председателем Сальменского сельсовета, а председателем колхоза стал уже знакомый нам коммунист с солидным партийным стажем, работавший до этого секретарем Пиленковской партячейки, Ханс Северин. (Заместителем его был Александр Бахман.)

Этот человек, что называется, был рожден для дела, за которое взялся. Спокойный, рассудительный, умеющий терпеливо выслушать каждого, кто к нему обращался, будь то бригадир, агроном, работник клуба или же рядовая колхозница, у которой заболел ребенок, колхозный кузнец, доярка, подросток-пастух... Выслушает и непременно примет меры, учтет все, что может принести пользу хозяйству, коллективу в целом. Важные решения всегда принимались коллегиально, на заседании правления или же на общем колхозном собрании. Но когда уже решение принималось и надо было его быстро реализовать, тут он был непримирим. С утра и до вечера мотался по полям, фермам, мастерским; добросовестных, инициативных колхозников воодушевлял, всячески поощрял; лодырей, тех, кто искусно жонглировал словесной канителью вместо живого дела, он подвергал суровой критике на собраниях колхозников, а неисправимых — на заседаниях правления, где решался вопрос о наказании материальном.

К тому же он хорошо знал столярное, слесарное дело, обладал опытом работы в сельском хозяйстве; как старый партийный работник, имел подход к людям, умел их убедить, вдохновлять на полезное и нужное дело. Притом сам Северин был кристально чистым человеком, являл во всем пример окружающим. Был трезвенником, но веселиться в обществе любил, не пропускал ни одного представления колхозной художественной самодеятельности. Не жалел денег на культурные нужды (приобретение инструментов для духового оркестра, реквизита для самодеятельных артистов, книг для библиотеки и т. д.).

Была у него еще одна чрезвычайно важная черта — это уме-

ние рассматривать хозяйственную деятельность не только с позиции сегодняшнего дня, а обязательно в перспективе: что то или иное мероприятие даст завтра, послезавтра, через пять, десять лет.

Все это располагало к нему людей, укрепляло в них веру в конечный успех дела. Пользовался Ханс Северин также немалым авторитетом у советских и партийных работников района, автономной Абхазской республики.

— Просто диву даешься, как наш председатель успевает бывать всюду, держать все в поле своего зрения, — говорили колхозники.

Обмануть его было трудно, ибо он держал постоянно все под контролем, хорошо знал человеческую психологию.

Спустя год-другой про Северина начали ходить легенды.

Вот одна из них старого пастуха Тимраза Арония.

— О-о, такого председателя, как наш Северин, не сыскать во всей Грузии. Это говорю не только я. В районе ценят нашего председателя за то, что хозяйство наше хорошее, крепкое. Колхоз же передовой потому, что председатель хорош. Да и людей умеет он ценить. Он знает все — кто хорошо работает, кто бездельничает. — Понизив голос, Ароний добавляет:

— Видите, я чищу, привожу в порядок ослов, и Северин знает про это. Но стоит мне сейчас пойти и лечь на травку отдохнуть, он будет тотчас же знать и это...¹

В этих несколько наивных словах выражались вера, гордость, высокая оценка человеческих и деловых качеств коммуниста Северина, руководителя, всецело отдавшего себя служению людям.

Но говорят: один в поле не воин. Северин подбирал тщательно бригадиров, звеньевых, опирался на передовиков производства, прислушивался к их советам. Вот пример. В горячую весеннюю пору туго продвигалась пререполка табака на неудобных горных склонах. Одна из колхозниц, выслушав упреки председателя, предложила:

— А давайте разобьем плантацию на участки и поделим между лучшими колхозницами — пусть каждая отвечает за свой надел.

Северин согласился — и дела пошли вскоре на лад. Люди работали, не считаясь со временем.

Хорошо, инициативно руководили своими участками агроном Вамбола Янес, бригадиры Арнольд Чернягин, Вольдемар Ромм, Эрист Савиаук, Эрнэ Маасикас; звеньевая Маргарета Камма, передовые колхозницы Екатерина Танвель, Ида Мейбаум, Алисе Арман, Эльвина Камма, Марта Маасикас, Альма Танвель, Хельми Тийсмус, Михкель Танвель, табаководы Амалие Шнейдер, Маймо Маасикас, Майе Козебян, Лида Тийсмус; члены полесводческой бригады Альма Альбус, Сальме Кренвальк, Хелене Томберг и другие.

¹ Т. Томберг. Эстонский колхоз у Черного моря. Таллин, 1948.

Люди, видя глубокую заинтересованность колхозными делами председателя, членов правления, бригадиров, агронома, колхозных механизаторов, трудились не покладая рук. Ведь все они старались, чтобы жизнь их становилась лучше, чтоб жить стало веселее. Большую организующую и мобилизующую роль в повышении производительности колхозного труда играло социалистическое соревнование, развертываемое между бригадами, звеньями и отдельными колхозниками.

Например, молодые колхозницы Маймо Маасикас, Майе Козебян, Лида Тийсмус и другие выполняли дневные нормы по шнуровке табачного листа на 400—500 процентов. На 250—300 процентов выполняли свои нормы колхозники в садоводческих и полесводческих бригадах. Резко возросла «цена» трудового дня.

Так, в первом послевоенном 1946 году колхозники зарабатывали на трудодень 26 рублей 25 копеек деньгами, 1,5 кг зерна, 2 кг картофеля, много овощей.

В итоге семья передового колхозника Александра Армана, состоявшая из двух трудоспособных, получила 41 700 рублей деньгами, зерна 1500 кг, картофеля 1800 кг, меда 38 кг, виноградного вина 110 литров, сушеных слив 55 кг.

Каждый, кто честно, добросовестно трудился, понимал, что его личное благополучие зависит от того, какой вклад он внесет в общественное производство.

Приведем еще один пример. Семья Иоосингов, состоявшая из троих трудоспособных, заработала за год 47 000 рублей деньгами, 2000 кг зерна, 150 литров виноградного вина, 80 кг чернослива и . . . 375 кг меду! Это дополнительная оплата главе семьи Рудольфу Иоосингу за значительное перевыполнение плана по сбору меда (он колхозный пасечник).

Успеху столь быстрого роста колхозного производства хозяйство обязано в первую очередь умелому партийному руководству. На всех ответственных участках были расставлены коммунисты и наиболее активные и подготовленные комсомольцы. Колхозную партийную организацию возглавлял Мартин Пеетс. Вот краткая характеристика, которую дают ему колхозники:

«Строгий, требовательный, но справедливый человек. К нему можно обращаться с любым вопросом. Он обязательно разберется, поможет в самых сложных обстоятельствах».

Все 18 членов колхозной парторганизации — передовики производства. В этом немалая заслуга парторга, ведущего за собой всех партийцев личным примером, пламенным словом агитатора. Он следил также и за постоянным идейно-теоретическим ростом коммунистов — все они учились в политкружках и на семинарах, выступали с беседами и докладами на политические темы среди колхозников.

Коммунист, председатель колхоза Х. Северин раз в декаду до-

кладывал на заседаниях правления колхоза и партийного бюро — кто как работает, выполняет свои социалистические обязательства.

Можно сказать, что сальменцы уже к началу Великой Отечественной войны воплотили в жизнь выдвинутый на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников лозунг — сделать все колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными.

НА ЗАЩИТУ РОДИНЫ

И вот тут, когда казалось, что в дома людей, всками испытывавших нужду, лишения, наконец-то пришло счастье, фашистские орды Гитлера вероломно обрушились на нашу страну. На призыв партии и правительства — «Все на защиту Родины!» откликнулись все мужчины молодого и среднего возраста. Добровольно ушли в армию внуки Йоханнеса Тийсмуса комсомольцы Хуго и Константин, сын старого Марта Кренстрема Юханнес, комсомолец Аугуст Пладо, Мейнхард и Вальтер Вестхольмы, Артур Кренстрем, сын престарелой Юлии Сегель Эдуард, коммунист Федор Чаленко. Альма Кислева проводила мужа и сына... Почти из каждой семьи кто-то уходил защищать то святое дело, за которое боролись отцы и деды, — всего 70 человек.

Из Сулева ушли добровольцами на фронт Альфред Ионас, Мартин Тикк, Рональд Рейльян, Эвальд Людвик, Хейно Теппе, Пеетер Тинт, Антон Мадисон, Феликс Мадисон, Эдуард Юрна, Феликс и Эдри Ангельштоки и многие другие. В качестве военного врача участвовал в боях с немецким фашизмом и японскими империалистами и автор этих строк.

Сальменский колхоз имени И. Сталина выделил 4 грузовика. За руль сели Карл Куль, Юханнес Кренстрем, Якоб Кеввай и Аугуст Пладо. Всем селом провожали защитников Родины на фронт. Женщины плача наставляли сыновей, мужей, братьев — бить врага без пощады, защищать святая святых — свободу и счастье народа.

Нелегко было и тем, кто остался. Теперь вся тяжесть колхозных дел легла в основном на плечи женщин и стариков. Бригады, вместо ушедших на фронт мужчин — Антона Луста, Арнольда Чернягина, Вольдемара Ромма, Эрнста Савнаука — возглавили Лейли Тиммерман, Эрна Маасикас и Ловисе Вебер. Спустя несколько дней отозвали в район на партийную работу и председателя колхоза Ханса Северина. Вместо него председателем была избрана молодой коммунист Матильде Блок, работавшая до этого председателем Сальменского сельсовета.

И к чести тружениц-женщин следует сказать, что, несмотря на исключительные трудности военных лет, дела в колхозе пошли ни-

чуть не хуже. Аналогичное положение складывалось и в Сулеве, в колхозе имени Кингисеппа. Люди работали с исключительным энтузиазмом, не считаясь с личным временем, стараясь дать фронту как можно больше продуктов питания.

Вскоре дыхание войны долетело и до побережья — пришло распоряжение местных властей и военного командования приступить к строительству оборонительных сооружений в Сальме и Сулеве. Женщины и оставшиеся в селах пожилые мужчины с утра и до вечера, без выходных дней, рыли траншеи, оборудовали противотанковые заграждения. Начали прибывать беженцы с Украины и других мест. Пришлось потесниться — в каждой семье размещали по три-четыре человека.

Часть из них, а также оставшихся мужчин более пожилого возраста мобилизовывали в строительные батальоны и направляли строить оборонительные сооружения в окрестностях Красной Поляны и в других горных районах, чтобы не допустить вражеские части на Черноморское побережье.

Ида Мейбаум, звеньевая колхоза, вспоминает:

— Мы с Хельми Гийсмус, Марией Кренстрем, Лизой Луст, Марией Шеер и многими другими ходили рыть траншеи во дворе Лизы Лоорбер. Неимоверно трудно было — дома оставались трое малышей. Не лучшее положение было и у других моих подружек. Шли дожди, одежда, обувь промокали, многие простужались, болели, однако работы не бросали, делали все, что могли, чтоб не допустить врага в свои родные места. В один из дней пришел корреспондент из районной газеты и написал обо мне статью: вот, мол, мать троих детей, работает, не жалея своих сил, намного перевыполняет нормы работы. Конечно, мне было приятно про это читать, но ведь другие мои подруги работали не хуже. Правда, положение дома у них было несколько лучше. У меня, к тому же, квартировали в двух небольших комнатухах четверо эвакуированных из Молдавии обессилевших больных женщин.

Несмотря на все трудности, неблагоприятные погодные условия, осенью был получен хороший, весомый урожай всех культур.

Активно трудились и пожилые колхозники, которые по возрасту числились уже на заслуженном отдыхе. Инвалид Георг Юргенс помогал молодым трактористам. Юлиус Чернягин выполнял бондарные и плотничные работы. Старый Март Кренстрем работал в колхозных механических мастерских, вместе с Йоосепом Шнейдером и Густавом Кренстремом ремонтировал машины, инвентарь, добиваясь бесперебойной работы сельхозтехники. Когда нужно было, трудились допозна. Ветераны выработали в 1942 году более 500 трудодней.

Пожилый Яап Тапвель работал на конной ферме. Правда, лошадей осталось мало — 50 лучших из них были сданы на нужды Красной Армии, но тем не менее хлопот хватало. Ветврача не было,

и Яану самому приходилось выхаживать больных лошадей. Внимательным, заботливым уходом он добился того, что кони выходили регулярно на полевые работы.

Но, несмотря на все принимаемые им меры, тягла не хватало. И тогда ветеран решил обучить молодых бычков. Вскоре их стали использовать для работ в садах и на неудобьях, на пседеозке воды и т. д.

С конца 1942 года стали приходить радостные вести с фронта: враг дрогнул, окружена и терпит поражение трехсоттысячная армия фельдмаршала Паулюса под Сталинградом. Дошла весть, что бывший колхозный бригадир Арнольд Чернягин за храбрость, образцовое выполнение боевых заданий награжден орденом «Красной Звезды». Отмечены были боевыми наградами и многие другие.

Колхозницы послали всем им приветственные письма.

«Дела в колхозе идут отлично, посеяли дополнительно на залежных землях десять гектаров пшеницы, — писалось в одном из них. — Так что возвращайтесь скорее с победой — угостим пирогами»¹.

Но не хлебом единым жив человек. Несмотря на тяготы военных лет, напряженный труд на полях, фермах и в садах, когда приходилось выработывать норму за двоих-троих — за себя и ушедших на фронт мужа, брата или сына, культурная жизнь в Сальме и Сулеве не замирала ни на один день. Люди шли после работы на репетицию хора или же намечасмой к постановке новой пьесы.

Регулярно демонстрировались кинофильмы. Временами навещались артисты из прибрежных курортных городов. Выступали и эвакуировавшиеся из Эстонии деятели культуры (певцы, музыканты, чтецы).

В селе Сулев драмкружком руководила учительница Хильдегард Хион (дочь Яана Хиона), в Сальме — Миральда Варман.

Активное участие в самодеятельности принимали Айно Тюркель, Николай Поднек, Лида Тийсмус, Треолида и Йоханнес Нугисы, Эдуард Ватман, Эрнэ Маасикас, Лехте Вестхольм, Альма Альбус, учительница из Сулева Леени Йонас, а также представительницы старшего поколения Хельми Тийсмус, Ида Мейбаум, Нетта Кеввай, Маали Маасикас, Хульда Мейбаум и многие другие.

Душой праздничных художественных программ, оформления клубов были школьные учителя Сальме и Сулева.

Имелись и самодеятельные «драматурги» Хульда и Ида Мейбаум. Они переводили пьесы с русского и украинского на эстонский язык или на основе рассказов, повестей делали инсценировки, т. к. оригинальных пьес на эстонском языке было мало. Принимали участие в этой работе и учителя.

¹ Т. Томберг. Эстонский колхоз у Черного моря. Таллин, 1948.

Особенно активизировалась художественная самодеятельность к концу войны, когда стали возвращаться мужчины с фронта. Вновь возобновил работу духовой оркестр. Велась активная подготовка к празднику песни в Эстонии. В 1947 году в нем принимала участие большая группа самодеятельных артистов из Сальме и Сулева.

Но вот закончилась война. Стали возвращаться герои битв с фашизмом. На груди почти у каждого из них сверкали ордена и медали. Дочь Хелены Вурман Фейя, окончившая перед войной медицинское училище, спасла жизнь многим десяткам воинов и за мужество, самоотверженность была награждена девятью боевыми наградами.

Орденами и медалями были награждены коммунист Федор Чаленко, бригадир Арнольд Чернягин, комсомолец Аугуст Пладо, агроном Вамбола Янес, колхозники Мейнхард Вестхольм, Артур Кренстрем и другие.

Но были и горестные вести. Не вернулся муж Хельми Ватман Вольдемар. Погиб в бою на Сааремаа сын Юлии Сегель, комсорг батальона, прекрасный музыкант Эдуард. Горе пришло и в дом старого Марта Кренстрема — погиб сын Юханнес. Не вернулись также с войны Лембит Киви, И. Петерсон, Я. Калмус, Фридрих Кыва, Арвед Алликас, Сасс Вурман, Вальтер Киселев, Аугуст Кару, Аугуст Тийсмус.

Мужчины, оглядев поля и сады, заглянув в заполненные продуктами закрома, поздравили женщин: «Спасибо, что поддерживали, снабдили нас, бойцов, всем необходимым в самое тревожное и тяжелое время. А теперь отдыхайте — вы это заслужили».

Пост председателя колхоза вновь занял коммунист Ханс Северин.

Бывшие фронтовики, истосковавшиеся по земле, энергично принялись за дело. Работали все с небывалым подъемом и энтузиазмом. Их примеру следовали другие. И вот результат: в засушливом 1946 году собрали с каждого гектара по 20,5 центнера кукурузы, 20 центнеров табака и 83 центнера картофеля. По тем временам это был неплохой урожай (по плану должны были собрать соответственно 10, 7 и 63 центнера). А общий доход колхоза достиг 4 047 000 рублей!

Тех, кто героически трудился на колхозном поле, было много, но все же хочется особо рассказать об одной из них — звеньевой Маргарете Камма.

* *
*

ГЕРОИНЯ МИРНЫХ ДНЕЙ

Вездесущий Х. Северин, заметив особое прилежание и любознательность Маргареты Камма, звеньевой одной из полеводческих бригад, получившей в первом послевоенном, 1946 году самый высокий урожай кукурузы — 25 центнеров с гектара, решил поговорить с ней: а нельзя ли еще выше поднять урожайность этой зерновой культуры? Притом со всего 62-гектарного участка. И, если возможно, то каким образом, что для этого надо сделать, какая необходима помощь со стороны руководства колхоза, главного агронома, снабженцев?

— Безусловно, возможно, — ответила женщина с уверенностью.

— Если замахнуться, скажем, центнеров на 50? — лукаво улыбнулся председатель. — Как считаешь? Где-то на Днепропетровщине звеньевая Надежда Козик, писалось в газетах, собрала даже больше — 70,3 центнера с каждого гектара. Да не с одного-двух, а с целого 425-гектарного поля.

— Там, конечно, другие условия: степь, черноземы... — чуть подумав, ответила женщина. — Но если поставить дело по науке да поговорить как следует, по душам со всеми женщинами, членами нашего звена, то что-то может получиться.

Северин радовался, зная, что это «что-то» и есть тот ответ, которого он ждал. Пусть не 70, а 40—50 центнеров с гектара, но ведь это коренным образом всколыхнет всех колхозников, вселит в них уверенность, что и с наших суглинков при соответствующей агротехнике и личном старании можно получить урожай зерновых и других культур вдвое-втрое выше, чем нынче. А раз так, то и соответственно возрастут доходы всего хозяйства, да и самих колхозников. Можно больше средств выделить на неделимые и культурные фонды. В голове у него уже зрел проект строительства дома культуры, колхозного стадиона, системы орошения полей и многое другое.

Звеньевая конечно же понимала, что так, лихим наскоком урожаяев, о которых говорил председатель, не достичь на бедных органикой суглинках. Удобрения, передовая агротехника, плюс энтузиазм, самоотверженность людей — вот что может обеспечить успех.

Она много читала о достижениях Марка Озерного, лауреата Сталинской премии, Героя Социалистического Труда. Впервые прослышала она о его фантастических урожаях кукурузы 11 лет тому назад. Ему удалось собрать по 101 центнеру зерна с гектара. Поначалу даже не верилось. Но на следующую осень знатный кукурузовод достиг еще более высоких результатов — 108 центнеров зерна кукурузы с гектара. Затем достигнутая им урожайность этой

культуры возросла до 120 центнеров с га! Но это опять же на Украине, где особо благоприятные условия.

«Надо непременно попытаться достать книгу Марка Озерного, досконально изучить все, о чем там написано». А что книга такая существует, Маргарета узнала от одной украинской колхозницы, когда посетила в Москве Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Решила обратиться к агроному Вамбола Янесу.

— Я сам намеревался прийти к тебе — очень интересная и полезная книга, — сказал тот, протянув звеньевой объемистую брошюру в мягкой обложке. — В общем внимательно проштудируй, а потом поговорим обстоятельнее. Председатель говорил мне о твоём с ним разговоре. Помогу, чем смогу. Дело это сложное, но исключительной важности. Зная тебя многие годы, верю в успех.

Внимательно прочитав книгу, где Марк Озерный подробно делился своим опытом, сделав некоторые важные выписки, звеньевая решила поговорить по душам с женщинами, членами своего звена. Но не со всеми сразу, а с наиболее активными и инициативными с «глазу на глаз».

Начала она разговор с наиболее энергичной и прилежной из них — Екатериной Танвель.

Та, внимательно выслушав доводы звеньевой, одобрительно произнесла:

— Правильно. И я не раз думала об этом. Коль мы сумели собрать 25 центнеров с гектара, то сможем и больше... 50 центнеров, к примеру.

Затем Маргарета обратилась к Хельми Тийсмус. Та тоже согласилась, что можно собрать с гектара гораздо больше зерна, чем в прежние годы.

— Полагаю, что 50 центнеров с гектара не предел — можно и больше.

Особенно горячо поддержала звеньевую молоденькая Лехте Вестхольм.

— Вот молодцы! — обрадовалась энтузиазму подруг звеньевая.

Сама же она нацеливалась на 70 центнеров с гектара, но до поры до времени решила держать эту дерзкую мысль при себе.

«Главное начать, а там дело покажет».

Посоветовавшись с агрономом, решила, что для достижения намеченной цели необходимо внести в почву, на гектар, не менее 20 тонн органических удобрений, для посева отобрать семенной материал самой высокой кондиции, тщательно обработать почву: вспахать на глубину не менее 9—10 см, произвести двух-трехкратную культивацию земли, тщательное боронование.

И вот настала пора сева. Но Маргарета не торопилась.

— Сделаем, как сказано в книге Марка Озерного... чтобы почва прогрелась до 12 градусов, не менее.

Однако хорошо, качественно посеять — это лишь начало. Главное впереди. Только тщательный уход за посевами, постоянное рыхление почвы, борьба с сорняками, искусственное опыление, обеспечение достаточной увлажненности почвы, минеральная подкормка могут гарантировать успех.

Поначалу все шло хорошо: всходы были дружные, сильные. Женщины следили, чтобы их не заглушили сорняки, прореживали растения, рыхлили почву . . .

Но, ох, эта погода! Весна вроде бы прошла удачно — умеренно теплая, пару раз выпадали дожди. В июне дела пошли хуже: столбик ртути в градуснике поднимался все выше и выше, достигая временами 45—50°! Земля начала трескаться. Срочно необходим был дождь. Но где он?

— Живем возле моря, а ни единой капельки, — вздыхали женщины, переживая и за себя, и за отважную звеньевую. «Что, если все, что наобещали, пойдет насмарку? Стыда не оберешься!»

Еще грустнее на душе было у самой звеньевой.

«Но надо не отступать — сделаем все, что в наших силах, чтобы спасти урожай», — и она решительно обернулась к членам звена.

— Нельзя допустить, чтоб все погибло из-за прихоти погоды! Будем ночами таскать ведрами воду из реки, колодцев, родников, но урожаем спасем. Эта наша святая обязанность . . .

Женщины молчали: разве натаскаешь столько воды?

— Это для начала, — успокаивала их Маргарета, — а потом мужчины проруют канаву . . . канал, и вода пойдет из реки . . . Я намекнула об этом председателю — он обещал поговорить в районе, чтоб дали канавокопатель . . . Мужчины уже начали возводить на реке Псоу плотину, чтоб поднять уровень воды.

— Что ж, засучим рукава — и за дело! — улыбнувшись, произнесла Екатерина Танвель, ловкая и сильная кареглазая женщина лет тридцати пяти. На таких работах, как окулировка саженцев плодовых деревьев, шнуровка табачного листа, сбор плодов, ей не было равных во всем колхозе. Не давала она засиживаться и другим, кто с ней рядом работал. А всяких лодырей, пьяниц она терпеть не могла, сурово осуждала и критиковала их на колхозных собраниях, на заседаниях правления колхоза.

Ее поддержали Хельми Тийсмус, Ида Мейбаум, Лехте Вестхольм и другие члены звена. Более двух недель, пока не закончили строительство оросительного канала, трудились день и ночь. Сказать, что было трудно, — не то слово. Болели руки, ноги, плечи. Потрескались, покрылись коростами ладони. От работы на жаре у многих начались жестокие головные боли . . . Но вот наконец, весело журча и булькая, пришла желанная вода. Женщины вздохнули с облегчением, и многие тут же, устроившись в тени дерева, уснули мертвецким сном — ведь столько времени почти глаз не смыкали.

Получив достаточно влаги, минеральной подкормки, растения пошли в бурный рост, вымахав вскоре выше человеческого роста.

Но забот впереди было еще много. Тщательно рыхлили почву, боролись с сорняками, которым обильная влага и тепло также были по нраву.

Самую ответственную работу — искусственное опыление растений — выполняли сама звеньевая и наиболее ловкие из членов звена — Хельми Тийсмус, Лехте Вестхольм, Екатерина Танвель, Ида Мейбаум, Нетта Кеввай.

Дело это кропотливое. Одни женщины, наклонив верхушки стеблей, осторожно вытряхивали из метелок на тарелочку цветочную пыльцу, другие наносили ее ваткой на рыльца формирующихся початков.

В распоряжении звена, помимо кукурузной плантации, участок сада, делянка, занятая под табаком, — нужно везде успеть. И они успевали: всюду был выращен отменный урожай.

Когда собрали увесистые белые початки кукурузы и взвесили их, то оказалось, что получен немислимый прежде в здешних местах урожай — по 70,06 центнера зерна с гектара!

Звеньевую и членов ее звена поздравляли, качали на руках. Еще бы — такой успех! Душа Маргареты наполнялась гордостью и великой радостью оттого, что самоотверженным трудом и упорством достигнуты столь впечатляющие результаты. Но свои чувства звеньевая держала при себе — не кичилась, не бахвалилась, как это делают иные скороспелые рекордсмены. Скромность, выдержка, тактичность — неотъемлемые черты этой красивой женщины с одухотворенным, интеллигентным лицом.

... А затем пришла радостная весть: Маргарете Камма за достигнутую высокую урожайность кукурузы указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Орденами и медалями были награждены и другие наиболее активные члены звена.

Но это не победа одной героини. Примеру Маргареты Каммы вскоре последовали другие бригады и звенья, передовые колхозницы и колхозники.

* *
*

СПУСТЯ ГОДЫ

Никого из тех, кто первым прибыл на эти, некогда гиблые, малярийные заболоченные земли, нет уже в живых. Лишь развесистый дуб, с вершины которого Колумбы из Прибалтики любовались красотами окружающей южной природы, зеркальным блеском моря с редкими белеющими парусами на горизонте, могучими, выступающими из сизой дымки заснеженными горными хребтами, стоит на прежнем месте на горке. склоны которой покрыты фруктовыми садами, виноградниками, табачными и цитрусовыми плантациями. В окружении плодовых деревьев, кипарисов, магнолий, пальм красуются нарядные одно-двухэтажные дома с верандами, увитыми глициниями и виноградными лозами, тщательно ухоженными палисадниками, гаражами для личных автомобилей.

По прилегающему вдоль поймы реки асфальтированному шоссе снуют рейсовые автобусы и легковушки самых разных марок. В садах и на полях грохочут машины, стрекочут тракторные косилки; на фермах движутся транспортеры, подавая корм, убирая органику. Все механизировано, электрифицировано — человеку остается лишь управлять механизмами, следить за их исправной работой. Меняются и сами люди: повысился их образовательный и культурный уровень, многие из них имеют специальное техническое, агрономическое, зоотехническое, ветеринарное образование.

Таково сегодняшнее село Сальме, наполовину спаленное денкинскими варварами в годы гражданской войны и вновь возрожденное с помощью Советской власти, подобно вставшей из пепла скалочной птице Феникс.

В моей памяти воскресают картины убожества, царившего здесь каких-нибудь полсотни лет тому назад: лучины и коптилки, одежда из самотканого суровья, на ногах постолы. Пища самая примитивная — кукурузные лепешки, хамса, пареная репа, простокваша... Масло, яйца ели только по большим праздникам, в остальное время продавали их на рынке, чтобы купить на вырученные деньги необходимые в хозяйстве товары.

Дети готовили уроки вечерами при коптилке или лучине. Граммофон и велосипед имелись только у мельника Юхана Танвеля. У него же была пролетка на рессорах. Остальные ездили в город на скрипучих телегах. Крестьянский труд был тяжелый, изнурительный, урожаи мизерные. Пятидесятилетние мужчины нередко выглядели глубокими стариками, страдали от болезней, связанных с недоеданием и непосильным трудом. Мало кто из селян сводил концы с концами. Хлеб пекли из грубой кукурузной муки, но и ее не хватало до нового урожая — приходилось пажимать на картошку, репу и другие корнеплоды. Более или менее безбедно жили

лишь зажиточные крестьяне, выжимавшие пот из наемных работников.

Сейчас даже забавно вспомнить, что многие дети из бедных семей писали на серой оберточной бумаге, вместо чернил пользовались болтушкой из сажи на воде. Учебники имели опять же только дети «примерных хозяев». Другие вынуждены были рассчитывать лишь на слух и цепкую память или же выклянчивать на час-другой учебники у тех, у кого они были.

Лишь с преобразованием сельского хозяйства в коллективное в дома сальменцев и сулевцев пришла зажиточная жизнь — не сразу, конечно, и не по щучьему велению, а в результате упорного самодержавного, но не столь изнурительного, как прежде, труда. Сейчас трудно представить колхозника с косой или с серпом, с похожим на мачете длинным, тяжелым ножом, с помощью которого рубили кукурузные стебли, а затем складывали их в стога, где созревали початки. Все трудоемкие работы выполняют машины и всевозможные механизмы. В домах появились радиоприемники, музыкальные инструменты, телевизоры, стиральные машины, холодильники, красивая современная мебель. Почти в каждой семье личный автомобиль или же мотоцикл. Сельские модницы заказывают платья в лучших ателье Сочи и Гагры. По субботним и воскресным дням устраиваются культпоходы в театры и на концерты лучших артистов страны. Многие дети после окончания местной средней школы продолжают учебу в высших и средних специальных учебных заведениях...

Но, как говорится, живешь хорошо сам, помоги и другому. Вскоре после войны правительство Грузии подняло вопрос о необходимости переселения жителей высокогорья, где не было нормальных условий для хозяйственной деятельности. Сальменцы, руководствуясь интернациональным долгом, первыми откликнулись на призыв и предоставили приют трем десяткам семей горцев: выделили земельные участки, оказали помощь строительными материалами, техникой и рабочей силой. Теперь все горцы активно трудятся в колхозе, живут вместе со сторожилами дружной семьей.

Но, как уже говорилось выше, сальменский колхоз по территории и земельным наделам невелик, поэтому в 1960 году его решили объединить с небольшим эстонским колхозом им. Кингисеппа, расположенным в селе Сулев, севернее Сальме. Объединенное хозяйство было наречено символическим названием — «Дружба»¹. Нынче в колхозе трудятся представители около 20 национальностей. Отовсюду доносится разноязычный говор — эстонский, грузинский, русский, абхазский... По вечерам можно услышать песни

¹ До этого, со второй половины тридцатых годов, сальменский колхоз именовался колхозом им. И. Сталина.

всех народов. Поют и на русском, объединяющем все национальные культуры, понятном старому и малому.

Сегодня колхоз «Дружба» — это крепкое, многоотраслевое, высококоханализованное хозяйство. В мастерских, на фермах, в садах работают сотни электромоторов и всевозможных других механизмов. Из года в год растет культура земледелия, повышается урожайность полей и садов. Поля вдоль и поперек пересекали оросительные каналы.

— Теперь нам никакие случайности не страшны, — говорят колхозники.

Если в прежние годы колхоз вынужден был занимать большие площади наиболее плодородных земель под такую непродуктивную культуру как табак, то в последнее время, в связи с осуществлением Продовольственной программы, больше внимания уделяется животноводству, выращиванию фруктов и овощей, пчеловодству. В колхозе самое большое в Абхазии пчеловодство (около 800 ульев).

— Наша кавказская пчела, — с гордостью говорят пчеловоды, — благодаря неприхотливости и высокой медоносности приобрела всемирную славу. У наших сереньких хоботок такой длинный-предлинный, что с любой глубины цветка нектар достанут.

Чтобы увеличить продолжительность медосбора, на лето ульи доставляются в горы. Там, на альпийских лугах, цветение проходит на месяц-полтора позже, что позволяет значительно, в полтора-два раза, повысить медосбор.

Умно, с толком все рассчитано, как и подобает рачительным хозяевам. А ведь изобретатель этого прогрессивного метода медосбора не академик, а рядовой колхозник Рудольф Йоосинг. Это благодаря его инициативе и энергии уже в 1940 году в колхозе было организовано высокодоходное пчеловодство из 150 ульев; сбор меда был превышен вдвое в сравнении с плановым заданием.

А какая там, в горах, красота! Поднявшись на вершины Ах-Ага, Аибги, Агепсты, можно наблюдать удивительные явления. Только мне не выразить это на словах. Альпийские фиалки, рододендрон, золотой эдельвейс, густые, с рост человека сочные травы . . . удивительной чистоты лазурное небо, целебный воздух, минеральные источники . . . А сияния в вечерних лучах заходящего солнца!

На высокогорные альпийские пастбища сальменцы и сулевцы перегоняют скот, где животные пасутся с мая по октябрь, нагуливая вес, обеспечивая дополнительно много молочной продукции (масла, сыра) и мяса.

В знаменитом горном селении Аибга расположен филиал адлеровской турбазы «Утро», горнолыжная станция, ряд домов отдыха. А известно это село прежде всего тем, что оно стало в 1864 году местом последнего сражения кавказской войны, а в 1905—1907 гг. одним из центров революционного движения в Сочинском округе.

Проходя мимо села Аибга, где работал и начал свою революционную деятельность Александр Альфредович Лоренц-Метнер, можно увидеть обелиск в память о погибших в январе 1920 года в боях с белогвардейцами четверых бойцов краснопартизанского отряда.

Воображение путешественника поражают дивные окрестности села с зубчатыми горными вершинами, дубравами, буковыми и пихтовыми лесами, шумными водопадами на реках Водопадная и Безымянка, минеральными источниками на реке Мидха, древними погребальными сооружениями эпохи бронзы (второе тысячелетие до н. э.) под Черной скалой и великолепным Шахгинским ущельем — одной из величайших теснин Кавказа. О ней профессор Ю. Ефремов писал: «О красоте пути в Аибгу надо писать, звать сюда толпы людей, не знающих, какие чудеса существуют рядом с курортами. Ущелье — песня, сказка, — как его еще определить?»¹

Осваивая альпийское высокогорье, колхоз получил ценную кормовую базу, а вместе с тем много дополнительной животноводческой продукции, шерсти, меда.

* *
*

— Осуществились наконец мечты, чаяния наших отцов и дедов! — говорит 83-летний Александр Тийсмус. — Живем зажиточно. Да и люди совсем изменились, другими стали. Прежде нередко сосед завидовал соседу, жил лишь своими личными заботами. Теперь же мы — как единая большая семья: ходим друг к другу в гости, радуемся вместе, если у кого успехи на работе и дома идут дела на лад... Каждому, кто не ленится, честно трудится — простор для деятельности, развития своих способностей. Да и общий кругозор стал шире. Телевизор, радио... Если в прошлом многие из сельских жителей имели начальное образование, а у наших отцов, дедов не было и этого, то теперь из среды молодого поколения десятки получили высшее образование, работают врачами, учителями, агрономами, зоотехниками, научными работниками. Вот и мой сын Хуго — профессор Таллинского политехнического института.

Сам Александр — талант «от бога»: еще в двадцатые годы собирал детекторные радиоприемники, мастерил всевозможные механизмы, приспособления, облегчающие крестьянский труд; на прокатном пункте, наряду с организационной работой, исполнял обязанности механика. По его же инициативе были построены консервный комбинат, эфиромасличный завод по переработке герани с целью извлечения дефицитного гераниевого масла для парфюмерной промышленности. Сейчас он на пенсии. Но стоит поглядеть на

¹ Ефремов Ю. К. Тропами горного Черноморья. Москва, 1963.

его двор — все в образцовом состоянии. Ухоженный сад, виноградник. Вода на огород и в сад, расположенные на склоне пригорка, подается электронасосом по трубам из артезианской скважины. Под навесом небольшая слесарная мастерская, где можно подремонттировать «Запорожец» и всевозможное хозяйственное оборудование. Все — своими руками . . .

Возле дома — обилие цветов, декоративные кустарники, магнолии, пальмы, мимозы.

— Сын, когда приезжает в отпуск, охотно мне помогает, — замечает хозяин дома. — И траву покосит, и машину наладит . . .

Конечно, Александр здесь не один. Люди в колхозе работают с большим энтузиазмом, творчески. Среди них и младший сын Александра Константин — производственные задания перевыполнял в полтора-два раза. Сейчас на пенсии по состоянию здоровья. Каждый старается внести свой вклад в общее дело — чем богаче колхоз, тем выше заработки каждого, тем лучше жизнь. За самоотверженный труд колхозникам Маймо Маасикас, Хильда Локк, Вольдемару Ромму, Маргарите Камма, Михкелю Кошю, Вамбсла Янесу, Нине Хелая присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Его заслужил также бывший председатель колхоза Ханс Северин.

С 1969 года в Сальме работает средняя школа. Учителями в семилетке, затем в средней школе были замечательные педагоги и общественники Ханс и Элла Янес, Альберт Баумберг, Роберт Миксон, Май Танвель, Сальме Луст, Виллем Сиймер, Эльфрида Вахтер и другие.

Еще в двадцатые-тридцатые годы в сулевской начальной школе работали Ян Хион с супругой, оставившие благодарную память о себе. Они были не только талантливые педагоги, но и активные проводники культуры, просветители сельчан; читали популярные лекции, руководили хором, драмколлективом. Хорошо помнят и учительницу Альму Хейманн, переехавшую после Великой Отечественной войны в Таллин, где она преподавала в 20-й средней школе.

Позже в Сулеве, в семилетке, работали прекрасные учителя Лейда Киви, Леени Йонас, Хильдегард Хион (дочь Яана Хиона), Алиде Кендрик. С ней мы учились вместе в Ленинградском эстонско-финском педагогическом техникуме. Это был очень веселый, энергичный и обаятельный человек.

Еще хочется помянуть добрым словом Рихарда Кренстрема (сына Густава Кренстрема из Сальме). Мало кто знает, что и он оставил о себе память на педагогическом поприще. В период учебы на физико-математическом факультете Ленинградского университета он заболел туберкулезом легких. Вернувшись в родное село Сальме, год лечился — помогло хорошее высококалорийное и витаминное питание. Через год Густав практически выздоровел и стал

преподавать в ермоловской школе крестьянской молодежи математику, физику и химию — это было в 1929/30 учебном году. Преподавал прекрасно, увлеченно! Если кто из нас (тогда учились здесь, помимо меня, Альберт Тюркель, Яан Тийсмус, Юханнес и Юку Танвели, Аугуст Вурман, Аделе Вебер, Фридрих Кыва и некоторые другие) прежде и не очень любил эти предметы, то теперь увлеклись настолько, что стали посещать кружки занимательной математики, физики, химии, которыми руководил наш новый, высокообразованный учитель-энтузиаст. Затем он продолжил учебу в университете. Перед Великой Отечественной войной блестяще защитил кандидатскую диссертацию (это был первый дипломированный ученый из нашего села). В годы войны пришла горестная весть: талантливый ученый и прекрасный человек, гордость сельчан, погиб при выполнении боевого задания.

В колхозе «Дружба» хороший Дом культуры с залом на 450 мест, библиотекой, киноустановкой, комнатами для занятий кружков. На фоне панорам Таллина, Тбилиси и других столиц союзных республик портреты Лидии Койдула, Александра Пушкина, Шота Руставели, Ованеса Туманяна . . .

По инициативе руководства Дома культуры устраиваются вечера дружбы, выезды в соседние русские, абхазские, грузинские села. На смотрах художественной самодеятельности района сальменцы и сулевцы неизменно занимают одно из первых мест.

А жизнь идет. Место первопроходцев, этих отважных прибалтийских Колумбов, занимают их потомки — сыновья, внуки, правнуки.

В горных поселках можно часто встретить высокого, стройного мужчину средних лет. Это сын Хульды Мейбаум, помощник прокурора Гагрского района Владимир. Он строго следит за тем, чтобы везде и всюду неукоснительно соблюдалась социалистическая законность. В воспитательных целях часто выезжает на судебные заседания по месту жительства или работы преступника или правонарушителя. «Чем сильнее поддержка общественности, выше уровень воспитательной работы, надежнее контроль во всех звеньях, тем меньше условий, способствующих деятельности преступных элементов, — говорит Владимир. — Хочу сказать и о значении военно-патриотической работы. До сих пор нет достойного памятника сальменцам и сулевцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Неплохо было бы увековечить память наших земляков, боровшихся в партизанских отрядах за установление Советской власти в Сочинском округе и в Абхазии.»

Да, с этими словами нельзя не согласиться.

* *
*

СЧАСТЬЕ ЛЕХТЫ ВЕСТХОЛЬМ

Если кому-то нужна какая-то справка, данные давней давности или же сегодняшнего дня, обращаются к этой обаятельной женщине. Кажется, она совсем еще молода, а фактически — уже бабушка. У обеих ее дочерей — Мильви и Малле, живущих и работающих в Эстонии, свои семьи, дети. Трудовой стаж колхозного бухгалтера Лехте Вестхольм почти сорок лет.

Я знаю ее более трех десятилетий, еще с той поры, когда только что демобилизованный из армии статный блондин Мейнхард Вестхольм привел к себе из дальнего горного селения Эстосадок, что возле Красной Поляны, навесту и была сыграна пышная послевоенная колхозная свадьба. Восхищению окружающих не было предела: легкая, грациозная, с лучистыми васильковыми глазами и неизменной доброжелательной улыбкой, молодая хозяйка Вестхольма производила неотразимое впечатление на всех. Не устоял даже кинорежиссер из Таллина, прибывший снимать эпизоды из колхозной жизни. Он предложил Лехте приехать в столицу, на пробы.

... Так же, как и ее отец Густав Янович Касък, председатель колхоза «Эдази», что в Красной Поляне, Лехте влюблена в прекрасную землю, где она родилась и выросла.

Прежде, чем стать бухгалтером, молодая женщина решила себя испытать в полеводческой¹, затем в виноградарской и, наконец, в табакководческих бригадах, хотя она еще в годы войны закончила с отличием курсы бухгалтеров в городе Сочи.

— Люблю землю, простор полей — и все, — говорит она. — Растения — как дети, требуют заботы, тщательного ухода. Зато, когда вызреют, радости нет предела.

Тогдашний председатель колхоза Х. Северин — человек требовательный, придирчивый, скупой на похвалы, и тот неоднократно ставил в пример другим совсем еще юную колхозницу. Особенно больших успехов она достигла, работая под руководством колхозного агронома В. Янеса на плодопитомнике. В то время было решено заняться цитрусоводством. А дело это тогда было новое, тонкое — чуть что не так, и все усилия остаются втуне. Нежные, чуткие и ловкие руки Лехте Вестхольм пришлось тут весьма кстати. Цитрусовая плантация была создана и начала давать немалые доходы колхозу.

Работа на плодопитомнике, требующая творческого подхода, пришлась Лехте по душе и, возможно, она достигла бы в этом деле еще более выдающихся результатов, но экономника колхоза крепла,

¹ В том, что звено Маргареты Камма выросло в 1947 году небывалый в здешних местах урожай по 70 центнеров кукурузы с гектара, есть и ее заслуга — Лехта была активной помощницей, помогала при искусственном опылении растений.

доходы перевалили за 5 миллионов, был расширен штат счетных работников и ей, как имевшей специальное образование, предложили работу в бухгалтерии.

Оставляя любимое дело в питомнике не хотелось. Лишь после неоднократных уговоров Лехте дала согласие. С тех пор вот уже более 35 лет ведет счет колхозному богатству, следит за тем, чтобы ни один рубль не был потрачен напрасно, без должной отдачи.

— Но все равно к земле тянет, — улыбается Лехте. — В свободные минуты копаюсь в своем приусадебном огороде или в саду. В последнее время пристрастилась к пчеловодству, разведению шелковичных червей. Коконы сдаю в колхоз, получаю за это дополнительную оплату. А вот попробуйте мед собственного производства. — И она наливает в чашку душистый красnodарский чай, вырезает из рамы увесистый ломтик наполненной ароматным липовым медом пчелиной соты.

Двор вокруг ее дома весь в зелени, цветах — зреют груши, яблоки, персики, айва; с виноградных лоз свешиваются наполненные янтарным нектаром гроздья. Чуть поодаль заросли бамбука, придающие всему двору оттенок южной экзотики.

— Да, дел тут у вас невпроворот, — замечаю я. — Как вы только всюду успеваете — и на работе и дома?

— Не легко, конечно, — вздыхает Лехте. — Муж умер, теперь приходится все одной... Но на судьбу не жалею. Все, что делаю, чем занимаюсь, мне приятно. Скоро приедут в отпуск дочери с мужьями и внучатами. Видеть, как подрастают малыши, радуются бабушкиным угощениям — это ведь радостно.

Дом, в котором живет Лехте, добротный, из трех просторных комнат с кухней и подсобными помещениями.

— Построен лет девяносто тому назад, — с улыбкой замечает хозяйка, — и простоят еще лет сто. Венцы сработаны из сердцевины дуба. Деды и прадеды наши строили на совесть.

Из дальнейшего разговора выясняется, что собеседница моя уже года два как на пенсии.

— И все еще продолжаете работать?

— Понимаете, не могу без коллектива. Да и не я одна. Колхоз — как родной мой дом. Со мной вместе работают пенсионерки-бухгалтеры Лаура Пууманн, Ильна Югансон. Джалагония Платон Иванович, наш освобожденный председатель профкома, также трудится, хоть и пенсионер. — И тут же с улыбкой добавляет: — А я у него — казначей. Многие пенсионеры и пенсионерки работают на дому: выращивают гусениц шелкопряда, табак, откармливают артельный скот...

Я собираюсь в правление колхоза «Дружба», чтобы поговорить с новым, шестым по счету председателем, Георгием Цинделиани. У Лехты тоже какие-то дела там и мы направляемся вместе.

По пути заглядываем к давним моим знакомым, ныне пенсио-

нерам, Александре и Юханнесу Нугисам. С Александрой (Шурочкой) мы учились вместе в педагогическом техникуме в Ленинграде. Была застенчивая большеглазая девчонка с неизменным румянцем на щеках, а теперь вот на пенсии. Проработала более 40 лет в Сальме учительницей начальной школы. Пожалуй, нет никого из ныне здравствующих сельчан, которых бы она не учила «уму-разуму».

Хорошие, добрые и честные люди тянутся друг к дружке. Вот и Лехте, несмотря на разницу в возрасте, считает А. Нугис лучшей своей подругой.

Муж Александры Юханнес большой знаток всевозможных механизмов. Многие годы заведовал колхозным автогаражом. А когда вышел на пенсию, несколько лет работал администратором на базе отдыха «Энергия» Раквереского района Эстонии. Существует в Сальме и база отдыха районного управления сельского хозяйства Валгаского района. Ею заведует бывший заместитель председателя колхоза, ныне пенсионер, Аугуст Пладо.

Уселись ненадолго, вспомнили многих ветеранов, чьими усилиями небольшое захудалое поначалу колхозное хозяйство с тремя десятками лошадей поднялось на нынешний уровень, где все основные тяготы взяли на свои стальные плечи машины, где колхозники имеют высокую гарантированную зарплату, где обеспечена спокойная жизнь в старости. И все это благодаря постоянным заботам партии и Советского правительства о благе народа, его культуре, здоровье, повышении жизненного уровня сельских тружеников.

Распрощавшись с супругами Нугис, направляемся дальше по давно знакомому поселку.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА КОЛХОЗА «ДРУЖБА»

Эта глава — о том, что волнует более всего колхозное руководство сегодня: как выполняются государственные планы заготовок, что предполагается предпринять и делается в деле осуществления Продовольственной программы, каковы перспективы дальнейшего развития колхозного производства, материальной базы хозяйства, как осуществляется переход на новую прогрессивную форму безнарядной работы в бригадах и т. д.

Хотя и был субботний, формально нерабочий день, собрались почти все колхозные главные специалисты — ждали председателя, чтобы обсудить неотложные организационные и производственные вопросы. Тут были и уже знакомый нам из беседы с Лехте Вестхольм председатель профкома П. Джалагония, главный агроном Г. Кобалава, главный зоотехник Н. Лекс, главный ветврач В. Оя.

Разговорились. Председатель профкома П. Джалагония похвально отзывался о работе большинства тружеников сел Сальме и Сулев.

— Многие из них награждены орденами, почетными грамотами. — И он показывает список.

Мария Шеер награждена орденом Ленина. Орденом Трудового Красного Знамени награждены Маймо Маасикас, Юханнес Нугис, Вильма Лехт, Эльза Барашвили; орденом «Знак Почета» — Аугуст Пладо, Хельми Глюк; орденом Трудовой Славы III степени — Лилли Маасикас и Эрберт Калмус. О тех, кому за трудовые подвиги присвоены в разные годы высокие звания Героя Социалистического Труда, уже говорилось выше.

Хорошо отзывалось руководство колхоза и о передовой доярке Сальме Римпель. Она награждена орденом Трудовой Славы III степени. На Доске почета можно встретить имена виноградаря Евгения Югансона, механизатора Михаила Танвеля, коммуниста, передовой доярки Антонины Любимовой, бригадира полеводческой бригады из Сулева Арвальда Агуса, бригадира пчеловодов Радика Нугиса, шофера Николая Камма (внук учителя Тыниса Камма), бригадира виноградарей из Сальме Бориса Морозова, передового шелководы Яана Лестмана, инженера-строителя Вальнерта Кеввая, бухгалтера Лехте Вестхольм и многих других.

С уважением отзываются жители села о фельдшере-акушерке колхозного медпункта Оливии Камма, отмечая ее чуткость, внимательное отношение к пациентам.

... А вот и председатель правления колхоза «Дружба» Г. Цинделиани. Приехал на своем «Москвиче». С виду степенный, неторопливый в суждениях, среднего возраста. Сперва внимательно выслушает собеседника, задаст несколько вопросов, затем, подумав чуть, выскажет свое мнение.

Узнав причину моего посещения, председатель приглашает меня и всех своих помощников в свой кабинет на втором этаже. Столы в виде буквы Т, удобные стулья и кресла, сейф...

Колхоз в районе на хорошем счету.

— Сейчас у нас четыре основные отрасли, — рассказывает председатель, — овощеводство, виноградарство, пчеловодство и животноводство. При ограниченных посевных площадях, — это связано с географическим положением нашей территории (с северо-востока горы, с юга — море, с запада — река Псоу), — дальнейшее развитие колхозного производства наталкивается на большие трудности. Обсудив этот вопрос с районным начальством, пришли к выводу, что в соответствии с принятой партией и правительством Продовольственной программой разумнее и целесообразнее перевести колхозное производство в русло узкой специализации. Нам предложили полностью переключиться со временем на откорм скота. Для этого имеются все условия: под боком река, припой-

менные луга, выше в горах прекрасные альпийские пастбища, где сочная, питательная трава выше человеческого роста. Конечно, дело это не простое: нужно строить соответствующие помещения, механизированные откормочные площадки, приняться за укрепление кормовой базы, окультуривание лугов и т. д.

— А как же сады, виноград и прочее? — спрашиваю я.

— Будем в меру сил продолжать, но новых посадок в дальнейшем не предусматриваем.

Конечно, грустно было это слышать, но что поделаешь — на все ни земли, ни рук не хватит.

Далее председатель останавливается на планах строительства. Поскольку прежняя школа-восьмилетка преобразована в десятилетку, будет построено новое типовое здание школы с мастерскими, подсобными помещениями и стадионом. К 100-летию юбилею сел Сальме и Сулев вырастет новый торговый центр с магазином, столовой, бытовым пунктом. Уже приступили к строительству откормочной базы на 500 голов. Бычки будут доставляться из хозяйств всего района.

— А не снизятся ли доходы колхоза в связи с такой крутой перестройкой? — интересуюсь я.

— Не думаю. Если поставим дело строго по-научному и будем трудиться столь же старательно, как сейчас, то, полагаю, не прогадаем. Успеху будет также способствовать новая форма безнарядного бригадного подряда. Словом, многое зависит как от отношения людей к делу, их сознательности, так и от правильной организации труда. Вопросам идейной закалки людей, повышению их политической и производственной активности партийная и профсоюзная организация колхоза придадут большое значение.

Председатель сопровождает эти слова дружеской улыбкой.

— Приходите в гости лет через пять — убедитесь, что мы не фантасты, а кое-что умеем делать . . .

* *
*

Сальменцы и сулевцы конечно же не оторваны от своей прародины, они навещают родных и знакомых в Таллине, Тарту, Пярну, выписывают книги, газеты, журналы на эстонском языке. В Сальме и Сулеве часто гостят делегации и группы туристов из Эстонии, приезжают лучшие артистические силы, деятели культуры, передовики промышленности и сельского хозяйства, чтобы обменяться опытом, порадоваться успехам земляков или же просто отдохнуть на лоне живописной южной природы.

Как уже отмечалось, в Сальме существуют две базы отдыха: «Энергия» Раквереского района Эстонии и районного управления сельского хозяйства Валгаского района ЭССР.

Сальменцы и сулевцы не стоят в стороне от общественной жизни, принимают участие в работе верховных органов власти Абхазии и Грузии. Так, передовая молодая колхозница Лилли Маазикас уже на второй срок избирается депутатом Верховного Совета Грузии. Ударник коммунистического труда, табаковод Илья Локк — депутат Верховного Совета Абхазской АССР. Десятки колхозников и колхозниц работают депутатами районного и сельского Советов, принимают активное участие в выработке всех важных решений, контролируют их выполнение на местах.

* *
*

Таков краткий обзор героической эпопеи небольшой группы батраков и безземельных крестьян, отважившихся бросить вызов эксплуататорам-помещикам на своей родине и перебраться в дикие заболоченные дебри в пойме реки Псоу, где, несмотря на невероятные трудности, они впервые, обретя клочок земли, почувствовали себя свободными людьми.

Однако по-настоящему нашли они свое счастье лишь при Советской власти, в борьбе за которую многие из них в составе руководимого коммунистом Антоном Шукстовым и участником революционных событий 1905 года Иоханнесом Лехтом партизанского отряда приняли самое активное участие.

Десятки сальменцев и сулевцев стали добровольцами в рядах Красной Армии, защищая Отечество в период Великой Отечественной войны. Многие из них не вернулись с фронта.

Ныне потомки первопроходцев с берегов седой Балтики живут в хороших условиях, зажиточно, полнокровно. Особую роль в этом сыграл перевод малопроизводительных, полунатуральных индивидуальных хозяйств на коллективные рельсы. Нынче не найти ни одного из сельчан, кто мог бы сказать, что он обделен в чем-то, как в правах, так и в материальном отношении.

Один из инициаторов переселения на Кавказ, активный общественник Иоханнес Тийсмус. Фото 1899 года

Представители местной власти. В первом ряду справа — волостной староста Иоханнес Кратсов, рядом — его помощник Александр Киви. Во втором ряду — учитель Тынис Камма (справа) и волостной писарь Лахр Чернышенко; стоит урядник Кайлко. Фото 1898 года

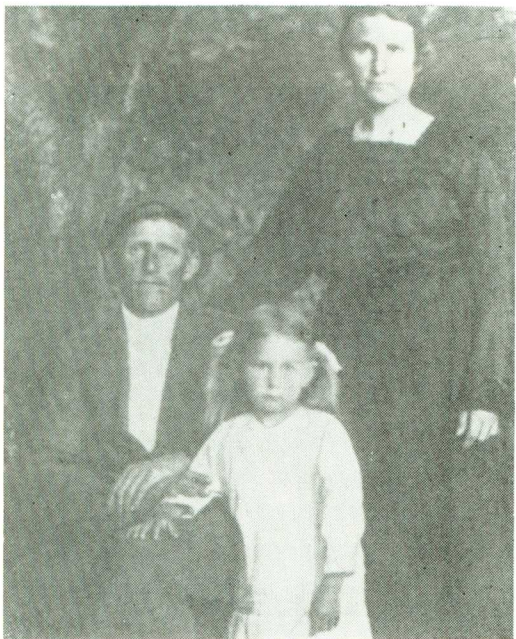

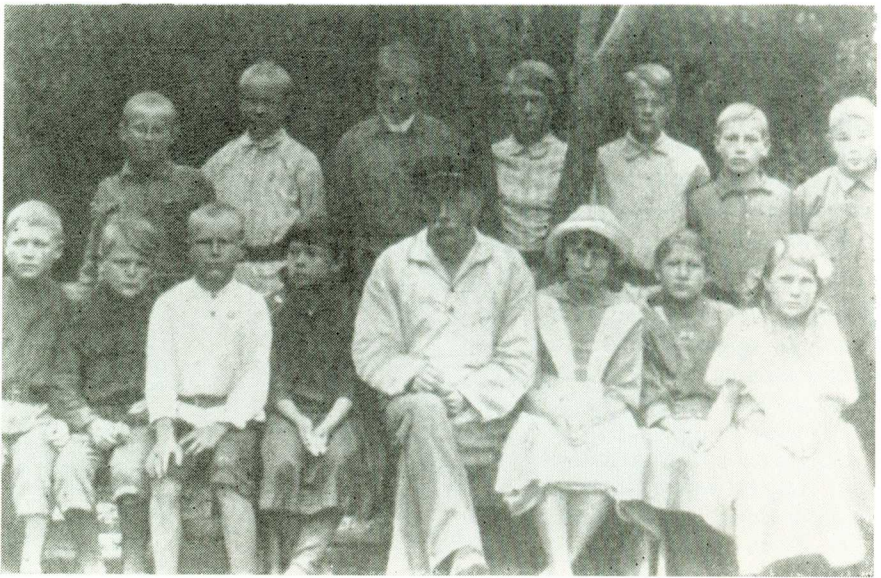
Агрономические курсы в Сальме в 1914 году

Юрий Костин — в 1917 году начальник милиции, затем активный участник партизанской борьбы с деникинщиной. Фото 1919 года

Бывший командир партизанской дружины, затем председатель Сальменского сельсовета, а с 1931 по 1935 годы — правления Сальменского колхоза Антон Шукстов с женой Элли и дочерью Эрланде. Фото 1925 года

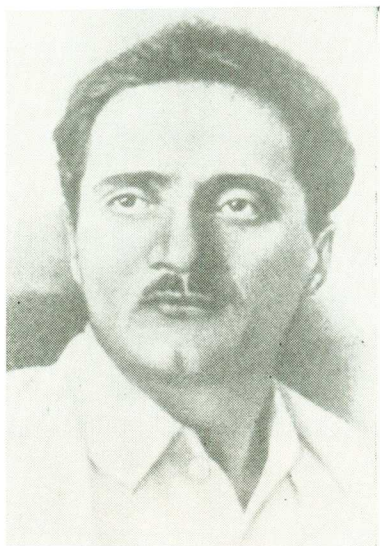
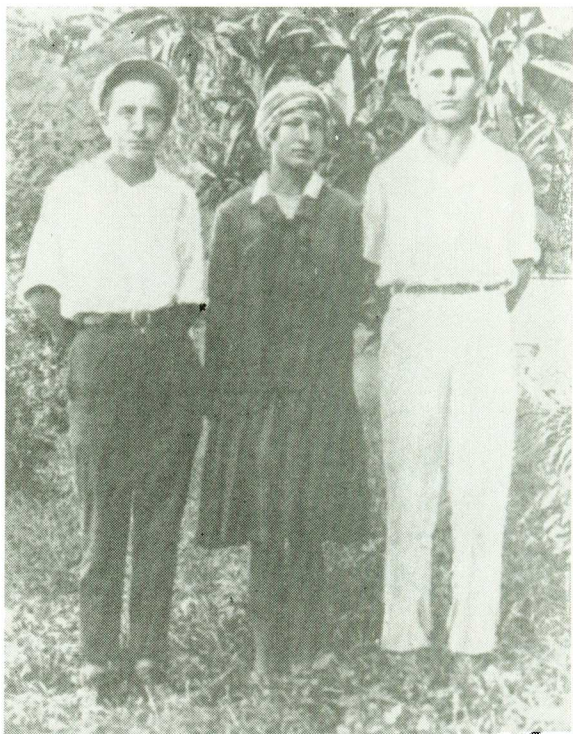

Семья старожила, бывшего батрака графа Стейнбока, Марта Кренстрема (в центре). Слева от него — зять Аугуст Секенд. Фото сделано в 1927 году.

В центре — учитель Ханс Янес с детьми. Слева, второй от него, — сын Вамбола, будущий колхозный агроном, Герой Социалистического Труда. Фото 1925 года.

Юлиус Мейбаум — активный участник партизанской борьбы против денкинских карателей. Члены его семьи: жена Хульда (слева), в первом ряду (справа налево) Ида Мейбаум с детьми и мать Юлиуса Мари; стоит автор этих строк в 16 лет. Фото 1930 года.

Комсомольцы — участники распространения облигации госзайма среди сальменцев. Слева направо — Юханнес Танвель, Геральде Шнейдер и Владимир Майбаум. Фото 1931 года

Нестор Лакоба, председатель ЦИК Абхазской АССР, оказывал помощь сальменцам при организации колхоза

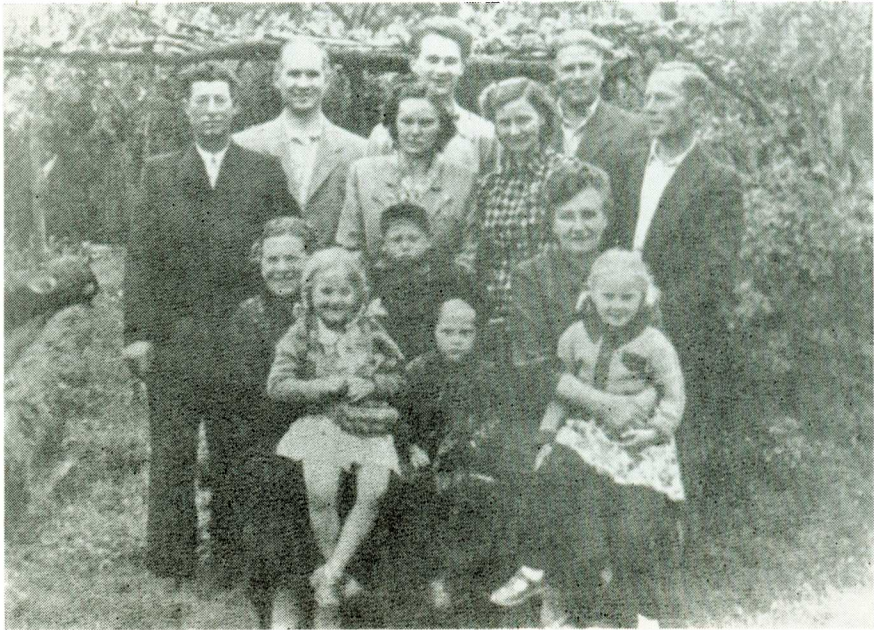

*Председатель колхоза «Сальме» Антон Шукстов (в центре) на выставке сельскохозяйственной продукции. Фото 1935 года
Правление колхоза имени И. Сталина в Сальме. 1940 год*

Группа врачей-фронтовиков. В первом ряду в центре майор медицинской службы В. Мейбаум

Бригада Героя Социалистического Труда Волдемара Ромма (второй справа). Сидят (слева направо) Мадис Вестхольм, Нетта Кеввай, Якоб Кеввай, Хэльми Тийсмус, Волдемар Ромм, Александер Тийсмус. Стоят Эрна Маасикас, Маали Маасикас, Александер Луст, Лийа Шнейдер, Клава Ромм, Мильда Кеввай, Марта Луст, Лида Тийсмус, Лехте Вестхольм. Фото 1946 года.

Герой Социалистического Труда Хильда Локк (крайняя слева) в группе колхозников. Фото 1956 года

Семья Александера Тийсмуса. В первом ряду (слева направо): Александер Тийсмус, жена его Хэльми; во втором ряду их сыновья Константин (слева) с женой Валли, Хуго (ныне профессор Таллинского политехнического института) с женой Майму. Фото 1958 года.

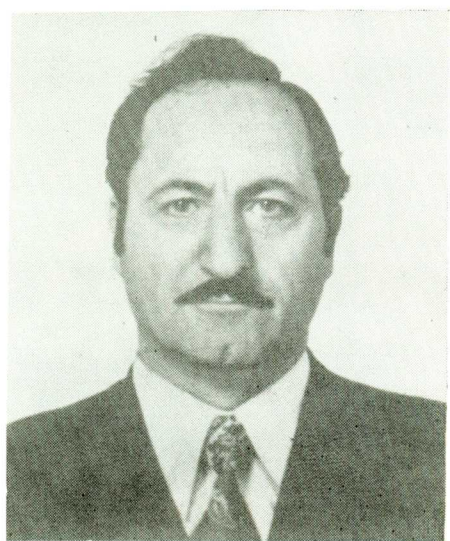

Молодая колхозница Лилли Маасикас (вторая справа) — депутат Верховного Совета Грузинской ССР, кавалер ордена Трудовой Славы III степени

Группа колхозников «Дружбы». В центре (в белом кителе) Давид Эрквания, в прошлом председатель колхоза «Дружба».

Участковый инспектор милиции в Сальме Владимир Сульженко (сын Хульды Мейбаум), ныне помощник прокурора Гагрского района. Слева жена Галина. Фото 1969 года.

Ветераны колхоза «Дружба» Артур и Мария Кренстремы

Председатель колхоза «Дружба» Георгий Цинделиани

*Заведующая библиотекой колхоза «Дружба» Мария Джалагония
помогает подобрать литературу к политинформации Лехте Вест-
хольм (справа). Фото 1983 года*

1983 год. У правления колхоза «Дружба». Встреча знатного гостя из Эстонии...

СОДЕРЖАНИЕ

Одно солнце на всех	3
У преддверия «рая»	6
Напевы родины	14
Огонь и пепел	22
Все богатство — два обгорелых столба и голодная собака	36
И вновь зазвучала песня	42
Думы и сомнения	49
Трудные первые шаги	55
На подъеме	61
На защиту Родины	68
Героиня мирных дней	72
Спустя годы	76
Счастье Лехты Вестхольм	82
Сегодня и завтра колхоза «Дружба»	84

Владимир Васильевич Мейбаум. **Сто лет под южным солнцем.** Художник-оформитель Л. Круусмаа. Редактор О. Гречишкина. Художественный редактор С. Стерн. Технический редактор С. Омблер. Корректор Ю. Урицкая. ИБ № 1556. Сдано в набор 10. 04. 84. Подписано в печать 23. 07. 84. МВ-08044. Формат бум. 60×84/16. Бумага печатная № 1. Гарнитура: литературная. Печ. л. 5,5+1 (вклейки). Усл. печ. л. 6,05. Усл. кр.-отт. 6,29. Уч.-изд. л. 6,72. Тираж 2000. Заказ № 1355. Цена 35 коп. Издательство «Ээсти раамат», 200090, Таллин, Пярнуское шоссе, 10. Типография им. Ханса Хейдманна, 202400 Тарту, ул. Юликооли, 17/19. II

35 коп.